

Культурный ландшафт регионов

НАУЧНЫЙ РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ ЖУРНАЛ Том 2 № 5 2020

Электронный адрес журнала: <http://dialog-ru.ru>

ISSN 2686-8814

Журнал «Культурный ландшафт регионов» - рецензируемое научное периодическое сетевое издание, открытого доступа (open access).

Журнал стремится к осмыслению, сохранению самобытных ценностей Малой Родины, формируя «региональный образ» каждого из районов через изучение объектов природного и культурного наследия, его современной истории.

Основное содержание журнала составляют оригинальные научные статьи, посвященные актуальным проблемам региональной культурной и социальной политики, анализу комплексного развития регионов Российской Федерации и зарубежных стран, которые связывают историческое прошлое с реалиями современности и позволяют объяснить настоящее и прогнозировать будущее, зачастую с использованием методологии смежных отраслей научного знания, обусловленной междисциплинарным характером социального знания

Наименование и содержание рубрик журнала соответствуют отраслям науки и группам специальностей научных работников на основании Номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени:

- 24.00.00 Культурология
- 23.00.05 Политическая регионалистика. Этнополитика
- 10.01.09 Фольклористика
- 07.00.00 Исторические науки
- 07.00.07 Этнография, этнология и антропология

Журнал издается с соблюдением всех требований Высшей аттестационной комиссии с целью последующего включения его в перечень ВАК

Миссия редакции научного журнала состоит в организации дискуссионного пространства, где специалисты в области литературы, истории, культурологии, музееведения, архивоведения, охраны наследия, сотрудники научных и образовательных учреждений, музеев и архивов, молодые исследователи публикуют результаты своих научных работ, представляя собственные достижения.

Основой политики журнала является открытость издания для авторов и читателей. Редакция журнала руководствуется в своей деятельности принципами научности, объективности, профессионализма, информационного обеспечения наиболее значимых специализированных исследований и соблюдения стандартов издательской этики и придерживается принципов, разработанных Международным Комитетом по этике публикаций (COPE, <http://publicationethics.org>) и положения главы 70" Авторское право " Гражданского кодекса Российской Федерации. Редакционная коллегия осуществляет научное рецензирование всех материалов, представленных в редакцию (двустороннее слепое рецензирование-рецензент не получает сведений об авторах рукописи, автор не получает сведений о рецензентах), что позволяет не только повысить качество публикуемых материалов, но и преследует обучающую цель.

Все статьи, поступающие в журнал, проходят проверку по программе Антиплагиат

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная

Учредитель и издатель: Негосударственное образовательное частное учреждение дополнительного профессионального образования. Краснодарский многопрофильный институт дополнительного образования (НОЧУ ДПО «КМИДО»)

www.kmido.ru

E-mail: dpo@kmido.ru;

+7 861 203 51 61

Главный редактор

Литвинов Кирилл Александрович - кандидат педагогических наук, директор Негосударственного образовательного частного учреждения дополнительного профессионального образования "Краснодарский многопрофильный институт дополнительного образования"

Научный редактор

Акоева Наталья Борисовна, доктор исторических наук, доцент, профессор Краснодарского государственного института культуры

Адрес редакции: 350080, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, мкр. Пашковский, ул. Заводская, 32-301

7 905 471 31 94 (по вопросам публикации и сотрудничества)

E-mail: dpo18@yandex.ru (по вопросам публикации и сотрудничества)

Редакционный Совет

Главный редактор

Литвинов Кирилл Александрович, кандидат педагогических наук, директор Краснодарского многопрофильного института дополнительного образования (КМИДО)

ORCID ID: 0000-0001-8804-1525

г. Краснодар, Россия

Научный редактор журнала

Акоева Наталья Борисовна, доктор исторических наук, доцент, профессор, Краснодарский государственный институт культуры

ORCID ID: 0000-0002-2124-1343

Scopus ID: 57201316433

г. Краснодар, Россия

Акользина Марина Константиновна, кандидат исторических наук, доцент, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина

ORCID ID: 0000-0002-8684-9405

г. Тамбов, Россия

Ангелова Росица Жечкова, доктор, профессор,

Шуменский университет имени Епископа Константина Преславского

г. Шумен, Республика Болгария

Блейх Надежда Оскаровна, кандидат педагогических наук, доктор исторических наук, Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л.Хетагурова, член-корреспондент Российской Академии Естествознания

ORCID ID: 0000-0002-6715-9185

г. Владикавказ, Республика Северная Осетия-Алания

Блохин Валерий Федорович, доктор исторических наук, доцент,

Брянский государственный университет им. И.Г. Петровского

г. Брянск, Россия

Бугай Николай Федорович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт российской истории РАН, действительный государственный советник Российской Федерации III класса

ORCID ID: 00-203-21202-8363-1638

Scopus ID: 55481483000

г. Москва, Россия

Бушуева Татьяна Семеновна, кандидат исторических наук. Ведущий научный сотрудник Института военной истории МО РФ, Центр публикации источников по истории России XX века Института российской истории РАН.

Scopus ID: 38261169200

г. Москва, Россия

Куклинова Ирина Анатольевна, кандидат культурологии, доцент,

Санкт-Петербургский государственный институт культуры

г. Санкт-Петербург, Россия

Ивонина Ольга Ивановна, доктор исторических наук, профессор,
Новосибирский государственный педагогический университет
Почетный работник высшего профессионального образования
г. Новосибирск, Россия

Лихарев Дмитрий Витальевич, доктор исторических наук, профессор
Дальневосточный федеральный университет
г. Владивосток, Россия

Панарина Елена Владимировна, доктор исторических наук, доцент, профессор
кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армавирский государ-
ственный педагогический университет».
г. Армавир, Россия

Поляков Владимир Евгеньевич, доктор исторических наук, профессор кафедры
истории, Крымский инженерно-педагогический университет им. Февзи Якубова
г. Симферополь, Республика Крым, Россия

Резник Оксана Владимировна, доктор филологических наук, профессор,
Крымский университет культуры, искусств и туризма
Республика Крым, Россия

Халилов Тимур Александрович, кандидат политических наук, доцент, Кубан-
ский государственный университет, член Экспертного совета Федерального
агентства по делам национальностей РФ
ORCID iD: 0000-0002-5806-0351 г. Краснодар, Россия
г. Краснодар, Россия

Editorial Council

Chief Editor

Kirill A. Litvinov, Candidate of Pedagogical Sciences, Director of the Krasnodar Mul-
tidisciplinary Institute of Continuing Education
ORCID ID: 0000-0001-8804-1525
Krasnodar, Russia

Scientific Editor

Natalya B. Akoeva, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor,
Krasnodar State Institute of Culture
ORCID ID: 0000-0002-2124-1343
Scopus ID 57201316433
Krasnodar, Russia

Marina K. Akolzina, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Tambov State University named after G. R. Derzhavin
ORCID ID:0000-0002-8684-9405
Tambov, Russia

Rositsa G. Angelova, Doctor, Professor,
Shumensky University Bishop Constantine of Preslav
Shumen, Republic of Bulgaria

Nadezhda O. Blaikh, Candidate of Pedagogical Sciences, Doctor of Historical Sciences, North Ossetian State University named after K. L. Khetagurov
Honored worker of science and education
Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences
ORCID ID:0000-0002-6715-9185
Vladikavkaz, Republic of North Ossetia-Alania, Russia

Valeriy F. Blokhin, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Bryansk State University
Bryansk, Russia

Nikolay F. Bugay, Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Full State Counselor of the Russian Federation - Class III
ORCID iD: 00-203-21202-8363-1638
Scopus ID: 55481483000
Moscow, Russia

Tatyana S. Bushueva, Candidate of Historical Sciences. Leading Researcher of the Institute of Military History Ministry of Defense, Center for Publishing Sources on the History of Russia of XX century the Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences.
Scopus ID: 38261169200
Moscow, Russia

Irina A. Kuklinova, Candidate of Culturology, Associate Professor, Saint Petersburg State Institute of Culture
Saint Petersburg, Russia

Olga I. Ivonina, Doctor of historical Sciences, Professor, Novosibirsk state Pedagogical University
Honorary worker of higher professional education
Novosibirsk, Russia

Dmitrii V. Likharev, Doctor of Historical Sciences, Professor, Far Eastern Federal University
Vladivostok, Russia

Panarina Elena Vladimirovna, doctor of historical Sciences, associate Professor, Professor of the Department of General and national history of the Armavir state pedagogical University.
Armavir, Russia

Vladimir E. Polyakov, Doctor of historical Sciences, Professor, Crimean Engineering and Pedagogical University named after Fevzi Yakubov
Simferopol, Republic of Crimea, Russia

Oksana V. Reznik, Doctor of Philological Sciences, Professor
Crimean University of Culture, Arts and Tourism
Republic of Crimea, Russia

Timur A. Khalilov, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Kuban State University
Expert of the Russian Federal Agency for Nationalities
ORCID ID: 0000-0002-5806-0351
Krasnodar, Russia

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

<i>Исторические науки</i>		<i>Historical Science</i>	
Курков Г.М. г. Ейск, Россия	7	G.M. Kurkov Yeisk, Russia	
Боевая деятельность лётчиков Северного флота в годы Великой Отечественной войны		Combat activity of Northern Fleet pilots during the Great Patriotic War	
Разумная Н.Н. г. Донецк, ДНР	18	N.N. Razumnya Donetsk, DPR	
Особенности системы образования на территории Мариупольского уезда в 1917 г.		Features of system of education on territory of Mariupol district in 1917.	
<i>Культурология</i>		<i>Cultural Studies</i>	
Ищенко Н. С. г. Луганск, ЛНР	33	N.S. Ishchenko Luhansk, LPR	
Хронотоп затонувшего города Луганска в поэме Елены Заславской «Немо»		Chronotope of the Sunken city of Lugansk in the Poem by Elena Zaslavskaya "Nemo"	
Мельникова А.А. г. Краснодар, Россия.	46	Melnikova A.A. Krasnodar. Russia	
. Культурно-познавательный потенциал музеев Кубани.		Cultural and educational potential of museums of the Kuban.	
Митрофанов В.В. г. Санкт-Петербург, Россия	57	V. V. Mitrofanov Saint Peetersburg, Russia	
Сотрудничество А.А. Бобринского с С.Ф. Платоновым в рамках Русского отделения Русского археологического общества		Collaboration A.A. Bobrinsky with S.F. Platonov in the framework of the Russian branch of the Russian Archaeological Society	

Научная статья

DOI: 10.17748/2686-8814-2020-2-5-7-17

УДК 908

Геннадий Михайлович Курков

Совет Ейского отделения РВИО

г. Ейск, Россия

e-mail: kurkovgm@mail.ru

**БОЕВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЛЁТЧИКОВ СЕВЕРНОГО ФЛОТА
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

Аннотация. В работе автор показал начало процесса становления Северного морского флота, трудности в его создании в 1936 г. были вскрыты проблемы, связанные с незначительным количеством техники, низкими летными качествами самолетов. Отмечена важная роль командующего ВВС СФ, комбрига Александра Алексеевича Кузнецова в деле оснащения и подготовки флота накануне войны. Автор выявил особенности боевой работы авиации в Заполярье в годы Великой Отечественной войны, ее деятельности по сопровождению и прикрытию конвоев с ленд-лизом. Было акцентировано внимание на судьбе дважды Героя Советского Союза Сафонова Бориса Феоктистовича, выдающегося советского летчика.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, военно-воздушные силы (ВВС), Морская авиация Северного флота (СФ), смешанный авиационный полк (САП), авиаэскадрилья (аэ), конвои союзников, Ейское военно-морское авиаучилище (ВМАУ) имени Сталина, бомбардировщики, истребители, торпедоносцы, героизм, самоотверженность.

Для цитирования: Курков Г.М. Боевая деятельность лётчиков Северного флота в годы Великой Отечественной войны. *Культурный ландшафт регионов* 2020. Том. 2. № 5. с.07-17.

DOI: 10.17748/2686-8814-2020-2-5-7-17

Original article

Gennady M. Kurkov

Council of the Yeisk Branch of the RWIO

Yeisk, Russia

e-mail: kurkovgm@mail.ru

COMBAT ACTIVITY OF NORTHERN FLEET PILOTS DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Annotation. In this work, the author showed the beginning of the process of formation of the Northern sea fleet, difficulties in its creation in 1936. The problems associated with a small amount of equipment and low flight qualities of aircraft were revealed. The important role of the commander of the SF air force, brigade commander Alexander Kuznetsov in equipping and training the fleet on the eve of the war was noted. The author has identified the features of the combat operation of aviation in the Arctic during the great Patriotic war, its activities in escorting and covering convoys with lend-lease. Attention was focused on the fate of twice hero of the Soviet Union Safonov Boris Feoktistovich, an outstanding Soviet pilot.

Keywords: the Great Patriotic war, the air force (air force), naval aviation of the Northern fleet (SF), mixed aviation regiment (SAP), air squadron (AE), allied convoys, Yeisk naval aviation school (VMAU) named after Stalin, bombers, fighters, torpedo bombers, heroism, selflessness.

For citation: Kurkov G.M. Combat activity of Northern Fleet pilots during the Great Patriotic War. Cultural landscape of the regions. 2020. Vol. 2. no. 5. PP. 07-17.

DOI: 10.17748/2686-8814-2020-2-5-7-17 (In Russ.)

2020 г. – год 75-летнего юбилея Победы советского народа в Великой Отечественной войне и 105-ой годовщины образования Ейского авиаучилища. Тысячи лётчиков морской авиации «стали на крыло» в этом знаменитом училище. Сотни выпускников, обучавшихся в Ейском военно-морском авиаучилище имени Сталина (далее в тексте ВМАУ) воевали в составе авиаполков в Заполярье.

Актуальность исследования вызвана складывающейся в мире ситуацией открытого искажения исторической правды о Второй мировой войне, часто идущей от официальных лиц европейских государств.

Об итогах и цене Победы, ее значении должны помнить и россияне, ведь это часть нашей национальной истории, основание нашего самосознания.

Цель исследования состоит в том, чтобы показать героические страницы из жизни авиации Северного флота в его борьбе с врагом, сотрудничество с союзниками по антифашистскому блоку, установившееся в годы войны.

О боевой работе лётного состава в условиях Заполярья писали советские исследователи Д. Герасименко, И. Колкер, Ф. Нехорошков, российские историки В.

Золотарев, И. Козлов и др. Деятельность некоторых наиболее выдающихся советских асов Северного флота рассматривалась в работах М. Жирохова, Ю. Рыбина.

Автору статьи посчастливилось лично работать и беседовать с непосредственным участником боевых действий авиации Северного флота в тяжелейший период нашей истории – годы Великой Отечественной войны – Героем Советского Союза Галкиным Павлом Андреевичем. Он получил это высокое звание в далёком 1944 г. за мужество и героизм, проявленные при выполнении боевых задач в качестве штурмана самолёта-торпедоносца типа «Бостон А-20ж», входившего в состав Морской авиации СФ. В декабре 2019 г. Павел Андреевич отпраздновал 97-ю годовщину со дня рождения.

На Северном флоте бомбардировочная и минно-торпедная авиация появилась почти на 10 лет позже, чем на Балтийском и Чёрноморском флотах. Причиной стало то, что этот театр военных действий (ТВД) командование Авиации ВМФ и самого Народного комиссариата (Наркомата) ВМФ рассматривало как второстепенный в будущей войне. Короткая, но ожесточённая война с Финляндией не смогла показать все проблемы, связанные с организацией и ведением боевых действий в условиях Заполярья в связи с отсутствием на Севере достаточного количества ударной авиации. Поэтому к началу Великой Отечественной войны удары по противнику на земле и море могла наносить лишь одна бомбардировочная эскадрилья самолётов типа СБ (скоростной бомбардировщик) из состава 72-го смешанного авиационного полка (САП) ВВС СФ. Эта эскадрилья была сформирована на базе самолётов и экипажей сухопутных частей Красной Армии в ходе советско-финской войны и передана флоту в декабре 1939 г. Морская авиация вступила в войну, находясь в стадии совершенствования организационно-штатной структуры и технического перевооружения. Штурмовики, пикирующие бомбардировщики, противолодочные самолёты в её составе полностью отсутствовали. Недостаточным было и количество торпедоносцев.

В 1933 г. командованием ВМФ было принято решение о воссоздании Северной военной флотилии (с мая 1937 г. – Северного флота). Главной базой флотилии был выбран посёлок Полярный, тыловой базой – губа Ваенга (Грязная), судоремонтной – Мурманск. Это послужило толчком для создания авиационных структур. Постоянный аэродром Морской авиации должен был находиться в губе Грязная (ныне пос. Сафоново) с последующим его расширением в Росляково и Чалмпушку [1, с. 8].

Официальной датой создания ВВС СФ считается 18 августа 1936 г. В этот день был подписан приказ Народного комиссара (в дальнейшем НК) ВМФ о перебазировании на Север первого авиационного подразделения – 7-го отдельного морского разведывательного звена (ОМРЗ) из 105-й авиабригады ВВС БФ (Балтийского флота). А 17 сентября 1936 г. под командованием старшего лейтенанта В.П. Степанова по железной дороге из Ленинграда в Мурманск доставили три самолёта МБР-2 (морской ближний разведчик). Позднее, с поступлением техники и личного состава авиазвена переформировали в 45-ю авиаэскадрилью (ОМБРАЭ).

В августе 1939 г. была введена должность командующего ВВС СФ, на которую назначили комбрига Александра Алексеевича Кузнецова (с 04.06.1940 г. – генерал-майор авиации). Александр Алексеевич в 1932 г. окончил в Ейске ВМАУ им. И.В.Сталина. Участник боёв в Испании и войны с Финляндией. 16 сентября 1939 г. на основании приказа НК ВМФ СССР № 00124 на базе 45-й ОМБРАЭ сформировали 118-й морской ближнеразведывательный авиаполк ВВС СФ.

Советско-финская война показала, что одной разведывательной авиации в составе флота недостаточно. Поэтому в конце декабря 1940 г. из Белорусского особого военного округа (БелОВО) на Север прибыли две истребительные эс (на И-15 бис и И-16) и бомбардировочная эскадрилья СБ. К началу Великой Отечественной войны авиация СФ была самой малочисленной в сравнении с ВВС других флотов. На 22 июня 1941 г. в её составе было всего 116 самолётов. Минно-торпедной и штурмовой авиации в составе ВВС СФ не было [2, с. 266].

Имеющихся сил было явно не достаточно для противодействия ВВС врага. Поэтому на основании приказов НК ВМФ в июле 1941 г. с Балтики на Север перебазировали эскадрилью самолётов в составе 9 СБ, от промышленности было передано 6 пикирующих бомбардировщиков Пе-2 и 10 истребителей МиГ-3, из других частей ВМФ 22 истребителя И-16, а в августе – ещё 10 истребителей И-153 из ВВС ЧФ. Все эти самолёты вошли в состав 72-го САП. 8 сентября 1941 г. в Североморск прибыли 24 самолёта «Харрикейн» 151-го авиакрыла RAF, которые перелетели туда с английского авианосца «Аргус». 12 сентября 1941 г. с Балтики из 1-го МТАП было перебазировано авиационное звено самолётов ДБ-3ф, возглавляемое И.Я. Гарбузом. Эти три машины также вошли в состав 72-го САП и заложили основу минно-торпедной авиации Северного флота СССР. Уже 15 сентября 1941 г. состоялся первый боевой вылет самолётов ДБ-3ф. А 11 октября 1941 г. НК ВМФ приказал сформировать в составе ВВС СФ истребительный полк, вооружённый английскими самолётами «Харрикейн». Командиром полка был назначен Герой Советского Союза капитан Б.Ф.Сафонов. К 25 октября был сформирован новый 78-й ИАП, основу которого составили опытные пилоты 72-го САП ВВС СФ.

К 13 ноября 1941 г., в связи с нехваткой бомбардировщиков в составе ВВС СФ, 10 самолётов У-2 были вооружены. На них установили пулемёты и бомбодержатели. Эти самолёты подготовили для действий ночью и в сложных метеоусловиях, когда применение других самолётов было затруднено. Практически сразу после перевооружения самолёты У-2 стали использоваться как ночные бомбардировщики [3]. По докладу Военного Совета СФ Наркому ВМФ, в составе бомбардировочной авиации ВВС СФ на 23 декабря 1941 г. оставалось всего семь СБ, два ДБ-3 и один Пе-2.

Самолёты морской авиации Северного флота обеспечивали безопасность морских коммуникаций. Морские конвои союзников во время Великой Отечественной войны преодолевали тысячи миль с целью доставить необходимые нашим войскам вооружение, военную технику, боеприпасы и продовольствие. В соответствии с обязательствами, принятыми на Московской конференции 29 сентября – 1 октября 1941 г., а также другими соглашениями между СССР, США и Великобританией, конвои союзников доставляли в СССР вооружение и другие грузы из США и Великобритании. Из СССР для этих стран отправляли стратегическое сырьё (см. Московские совещания 1943 и 1945 г.). Конвои формировались в Великобритании и Исландии. В зависимости от ледовой обстановки их маршруты пролегали севернее или южнее о. Медвежий. Грузы доставлялись в Архангельск, Северодвинск и Мурманск. Обратные конвои формировались в портах Архангельска и Мурманска. Переходы осуществлялись за 6–10 суток. В состав конвоев в 1941 г. включали 6 – 10 союзных и советских транспорта, с марта 1942 г. 16–40, с февраля 1944 г. 30–49, в 1945 г. 22–26 транспортов (с 1942 г. более 50% торговых судов в конвое были американскими).

Обеспечение безопасного перехода конвоев возлагалось на английские корабли. В операционной зоне советского Северного флота охранение усиливалось советскими кораблями и авиацией. В отдельных случаях общее число советских кораблей, обеспечивающих переходы конвоев союзников, достигало 40. В период ледостава в Белом море движение конвоев союзников обеспечивалось советскими ледоколами.

Первый английский конвой прибыл в Архангельск 31 августа 1941 г. Немецко-фашистское командование в 1941 г. рассчитывало на «молниеносную войну» и не предпринимало активных действий против конвоев, но с 1942 г. начало привлекать для этого значительные силы [4].

23 марта 1942 г. из 4-го МТАП ВВС ТОФ (Тихоокеанского флота) на Север были перебазированы ещё шесть ДБ-3ф, под командованием капитана Г. Поповича, которые, вместе с машинами, прибывшими раньше, составили 6-ю минноторпедную эскадрилью 2-го гвардейского САП (так с января 1942 г. стал называться 72-й САП).

24 марта 1942 г. четыре Пе-3¹ 95-го авиаполка и три ДБ-3 (из состава 4-го МТАП ВВС ТОФ) перелетели из Архангельска на аэродром Североморск.

Директивой Ставки ВГК № 170405с от 21.05.1942 г., командующему АДД (авиации дальнего действия) генерал-лейтенанту авиации А.Е. Голованову было предписано для обеспечения проводки каравана судов PQ-16 в Баренцевом море, выделить в период с 22 по 29 мая 36-ю АД ДД (авиадивизию дальнего действия), с перебазированием её на аэродром Ваенга. Дивизии была поставлена задача в указанный период систематически разрушать аэродромы Бардуфосс, Стермоен, Тромсё, Гаммерфест. Для прикрытия бомбардировщиков предполагалось использовать истребительную авиацию ВВС СФ, Карельского фронта и ПВО, базирующуюся в районе Мурманска. Подобная задача 36-й АД ДД ставилась в последующем в сентябре – октябре 1942 г. и в ноябре 1943 г. – январе 1944 г.

С 23 по 26 мая 1942 г. 40 ДБ-3ф и 4 ПС-84² 36-й АД ДД перелетели из Ярославля на аэродром Ягодник, а в последующем – на аэродром Североморск. Там они были оперативно подчинены командованию ВВС СФ.

18 июня 1942 г., на время проведения операции по встрече конвоя PQ-17, в состав ВВС СФ был передан 21 самолёт Пе-2 из 28-го и 29-го ПБАП ВВС ВМФ, с переброской их на аэродром Ягодник из центральной части страны.

¹ Пе-3 – тяжёлый двухмоторный истребитель, цельнометаллический моноплан с двухкилевым оперением, закрытой кабиной и убирающимися шасси и хвостовым колесом. Экипаж 2 человека. Истребительный вариант пикирующего бомбардировщика Пе-2 без нижней люковой установки и тормозных решёток. Был создан в ОКБ-29 под руководством В.М. Петлякова. Впервые поднялся в воздух в августе 1941 г., в том же месяце начато серийное производство. Всего было выпущено 360 самолётов. Виртуальная энциклопедия военной авиации. URL: www.pro-samolet.ru.

² ПС-84 - советский пассажирский, созданный на базе американского самолета Douglas DC-3. На его основе был построен военно-транспортный самолёт Ли-2, который производился серийно с 1932 по 1952 год. Первый самолёт ПС-84 прямо с испытаний в конце декабря 1939 г. отправился на Северо-Западный фронт, к финской границе. Всю зиму на нём перевозили раненых в тыловые госпитали. Последующие машины готовились к работе на мирных трассах. К началу войны с Германией «Аэрофлот» располагал 72 ПС-84. Ещё 49 экземпляров принадлежали ВВС, пять - Морской авиации и несколько машин - НКВД. Виртуальная энциклопедия военной авиации. URL: www.pro-samolet.ru.

Напряжённая боевая обстановка на Севере требовала постоянно усиливать авиационную группировку для качественного выполнения боевых задач. Поэтому 5 сентября 1942 г. на аэродром Африканда сели 24 самолёта «Хемпден» ВВС Великобритании. Во время перебазирования один самолёт был сбит по ошибке нашими истребителями Як-1. Один торпедоносец сел в районе Мончегорска, один самолёт — на аэродроме Североморск, а ещё один разбился при вынужденной посадке в районе Нива-2. В этот же день ещё восемь «Хемпденов»¹ перелетели с аэродрома Африканда на аэродром Североморск.

К 1 ноября 1942 г. на базе личного состава и авиатехники 5-й и 6-й эскадрилий 2-го гв. САП, 35-го МТАП (минно-торпедного авиаполка, хотя самолёты не были оборудованы для подвески торпед) и 118-го отдельного разведывательного авиаполка (ОРАП) завершилось формирование 24-го МТАП ВВС СФ. Таким образом, на Севере появился собственный минно-торпедный полк.

В 1941 – 1942 гг. ВВС Северного флота пополнились 230 самолетами. В то же время советская авиация потеряла 163 самолета [5, с. 80-81].

В марте 1943 г. из Саранска на Север после переформирования прибыл 46-й ШАП (штурмовой авиаполк), ранее воевавший в составе ВВС ЧФ (Черноморского флота). Этим было положено начало существования штурмовой авиации СФ. В июне 1943 г. 46-й ШАП приступил к боевым вылетам в интересах флота [6].

За войну корабли и авиация Северного флота обеспечили прибытие 42 английских и американских конвоев (722 транспорта), из СССР было отправлено 36 конвоев (682 транспорта достигли порта назначения). Этому всячески препятствовали надводные корабли, подводные лодки и авиация Германии. Противником было потоплено на переходе 85 транспортов (из них 58 при следовании в советские порты). 31 транспорт возвратился в порты отправления, не завершив перехода (из них 8 – в советские порты). Союзники и советские силы прикрытия конвоев потопили 27 вражеских подводных лодок, два линкора (линейных корабля) и три эсминца (эскадренных миноносца) [7, с. 365].

В 1941 – 1945 годах пятьдесят три лётчика авиации Северного флота были удостоены звания Героя Советского Союза. В формате данной статьи сложно разметить информацию обо всех Героях. Поэтому автор принял решение коснуться неординарной судьбы Бориса Феоктистовича Сафонова, первым в СССР удостоенного звания дважды Герой Советского Союза и судьбы экипажа лейтенанта Евгения Ивановича Францева, потопившего несколько крупных транспортов противника и две из 27 вражеских подводных лодок, потопленных за время войны союзниками и советскими силами прикрытия конвоев.

В списке самых результативных советских лётчиков-асов, одержавших в годы войны 20 и более личных побед, числится 177 человек. 150 место в этом перечне занимает гвардии подполковник, командир 2-го гвардейского смешанного Краснознаменного полка ВВС Северного флота Борис Феоктистович Сафонов. Если бы судьба уберегла его в воздушном бою 30 мая 1942 г., то, возможно, именно этот пилот занимал бы одно из первых мест среди самых результативных советских истребителей, та как за неполный год войны сумел одержать, как минимум,

¹ Хэндли Пейдж – НР.52 «Хэмпден» – британский двухмоторный бомбардировщик, состоявший на вооружении Королевских ВВС раннего этапа войны над Европой. Был снят с вооружения Бомбардировочной авиации Королевских ВВС в конце 1942 г. Виртуальная энциклопедия военной авиации. URL: www.pro-samolet.ru.

20 личных побед и 5 групповых! Он стал первым среди наших лётчиков, которые за свои боевые достижения в годы Великой Отечественной войны были дважды удостоены звания Героя Советского Союза.

Герой Советского Союза командир 4-й авиаэскадрильи 72-го смешанного авиационного полка Северного флота капитан Борис Сафонов (крайний справа) с группой британских летчиков из 151-го авиакрыла. На заднем плане справа — британский истребитель «Харрикейн», которые, после отлета из СССР, британские лётчики оставят советским пилотам

Источник: <http://waralbum.ru>

Выдающийся лётчик родился 26 августа 1915 г. в Тульской деревне Синявино (ныне г. Плавск). 16-летним учеником железнодорожной школы фабрично-заводского ученичества пришёл в планерную секцию Тульского аэроклуба «Добролёт». Природный левша, вынужденный переучиваться на правшу, через год стал одним из самых лучших пилотов планерного кружка, и его зачислили в число курсантов, обучавшихся полётам на биплане У-2. Инструктором у него была выдающаяся лётчица Валентина Гризодубова (через шесть лет она станет первой женщиной, удостоенной звания Героя Советского Союза именно за лётные достижения). Под руководством такого замечательного учителя Борис Сафонов имел невероятные успехи: за год стал одним из лучших пилотов клуба. В 1933 г. юношу, продемонстрировавшего выдающиеся пилотские способности, отправили учиться в 1-ю военную школу лётчиков имени Александра Мясникова, располагавшуюся в крымском поселке Кача. Это стало ещё одной удачей, сопутствовавшей Сафонову. Качинская авиашкола была одной из старейших в России, ведущей свою историю с 24 ноября 1910 г. В ней работали действительно выдающиеся преподаватели. Но даже они удивлялись успехам курсанта, который демонстрировал уникальные способности лётчика. В ноябре 1934 г. Борис Сафонов окончил учёбу с высшими оценками по всем предметам, но особенно были отмечены в выпускной характеристике быстрая сообразительность, свободное ориентирование в полёте, умение держать под контролем воздушную обстановку, а также «склонность к ухарству в полёте». Под последним качеством имелось в виду стремление курсанта освоить не только обязательные по программе подготовки фигуры пилотажа, но и более сложные.

Молодой лётчик, получивший назначение в Белорусский военный округ, тратил всё свое свободное время на самообразование. Причём занимался Борис Сафонов не только специальными предметами, но и сугубо общеобразовательными, прежде всего физикой, историей и литературой. Крестьянский сын, он изо всех сил стремился использовать любую выпавшую ему возможность стать образованным и всесторонне развитым человеком. На настойчивость молодого лётчика обратили внимание сначала его непосредственный командир Иван Якубович, а вскоре и командир авиабригады Яков Смушкевич – один из самых известных советских военных лётчиков предвоенной поры, участник Гражданской войны в Испании. Смушкевич разглядел командирскую жилку в молодом Борисе Сафонове. А тот в свою очередь сумел перенять у комбрига его умение строить отношения с подчиненными и учить их на личном примере, добиваясь уважения и веры в командира [8, с. 110].

За пять лет службы в Белоруссии он стал одним из лучших лётчиков своей эскадрильи и заслуженно пользовался репутацией пилота-снайпера. Всё это помогло старшему лейтенанту Сафонову добиться удовлетворения его рапорта, в котором он в конце 1939 г. просил включить его в состав эскадрильи, направлявшейся для дальнейшей службы на Северный флот. По приказу наркома обороны, для включения в состав формируемого 72-го смешанного авиаполка (САП) СФ отряжалась вторая эскадрилья, а Сафонов служил в четвёртой. Но опытного пилота решено было отправить на Север. Там его умение отлично ориентироваться в любой обстановке и пилотировать самолёт в любых, даже самых сложных, метеоусловиях играло особую роль. Заполярье – непростой для лётчиков регион. У пилота при отказе техники или потере ориентировки было мало шансов остаться живым при вынужденной посадке среди покрытых валунами северных сопек. Молодой авиации североморцев требовались лётчики, способные уверенно летать в таких условиях и, что ещё важнее – научить этому других.

Свой первый боевой опыт старший лейтенант Сафонов – командир звена в истребительной эскадрилье, летавшей на бипланах И-15, получил во время Зимней войны с Финляндией. И хотя в основном ему и его товарищам-истребителям пришлось вести воздушную разведку, так и не вступив ни в один воздушный бой, даже это Сафонов сумел обратить себе на пользу: буквально до каждого камня изучил местность, над которой ему пришлось летать. Свой личный боевой счёт старший лейтенант Сафонов (уже в должности командира 4-ой истребительной эскадрильи 72-го САП СФ) открыл 24 июня 1941 г, сбив одиночный He-111 [9, с. 273]. А дальше победы следовали одна за другой, и это не было следствием везения.

Эти победы был результат отличного владения самолётом и тактики, которую Сафонов разработал сам и корректировал по итогам каждого воздушного боя. В частности, он быстро понял, что атаковать фашистские бомбардировщики с большой дистанции не имеет смысла, поскольку такой огонь не эффективен. Начинать бой с атаки на пилота бессмысленно, поскольку он начинает активно маневрировать, не давая открыть прицельный огонь. Поэтому Сафонов занимал позицию за немецкими бомбардировщиками в «мёртвой зоне», где его не могли достать воздушные стрелки, подбирался на расстояние не больше сотни метров и старался первой же очередью уничтожить стрелка. После этого он спокойно расстреливал лишённый защиты самолёт противника из задней полусферы.

Отработав эту тактику, Борис Сафонов начал учить этому приёму лётчиков своей эскадрильи, которая вскоре стала одной из самых результативных на советско-германском фронте. А лучшим среди лучших был командир эскадрильи Сафонов. К концу первого военного лета он в 32 воздушных боях одержал 11 личных побед и был награждён двумя орденами Боевого Красного Знамени. 16 сентября 1941 г. капитан Борис Сафонов был удостоен своего первого звания Героя Советского Союза. С 14 октября 1941 г. он стал командиром вновь сформированного 78-го авиаполка [10, с. 8].

К весне 1942 г. Борис Сафонов стал подполковником и опытным командиром, в подчинении у которого находились десятки пилотов. Сафонов лично подбирал наиболее перспективных лётчиков, которые быстро освоили доставшиеся Северному флоту по наследству от английских лётчиков самолёты Hawker Hurricane («Харрикейн»). 20 марта 1942 г. подполковник Сафонов вернулся в свой родной 72-й САП, в котором он не так давно начинал службу в Заполярье. К этому времени полк уже стал не только гвардейским, но и Краснознаменным. Для Бориса Сафонова было особой честью принять под командование прославленную часть.

Многие командиры, под началом которых служил этот выдающийся лётчик, отмечали его удивительные способности и нередко называли «природным асом». Сослуживцы и подчинённые видели в нём, прежде всего, отличного товарища и внимательного командира, умеющего научить всем премудростям воздушного боя. В историю советской авиации он вошёл, как выдающийся лётчик, вызывавший уважение у товарищей по оружию и страх у противника.

30 мая 1942 г. в воздушном бою против немецких бомбардировщиков, атаковавших караван РQ-16, подполковник Сафонов погиб. Обстоятельства его гибели точно неизвестны до сих пор. Но из радиопереговоров следовало, что лётчик успел сбить три вражеских самолёта, после чего сообщил о проблемах с двигателем. Потом моряки конвоя видели, как истребитель Сафонова Curtiss P-40 Kittyhawk («Киттихок») буквально врезался в воду и мгновенно затонул. За три дня до этого, 27 мая 1942 г., пилота-аса представили к награждению медалью «Золотая Звезда» во второй раз. 14 июня звание Героя Советского Союза было ему присвоено посмертно, и он стал первым в истории Великой Отечественной войны дважды Героем Советского Союза [11].

В год 75-летия Великой Победы советского народа в Великой Отечественной войне на самом высоком уровне приходится напоминать представителям многих стран, принимавших то или иное участие во Второй мировой войне, о вкладе СССР в общую победу над фашизмом, о тех огромных жертвах, которые понесли участники тяжелейшей войны. На основании исторических документов были расставлены события 30 – 40-х годов XX в., высвечены причины, который подтолкнули Гитлера к походу на Восток. Пришлось доказывать ведущую роль Советского Союза в разгроме фашистской Германии и напоминать о нелицеприятной роли многих европейских государств, участвовавших в Великой Отечественной войне на стороне гитлеровцев.

Тяжелейшие потери родных и близких среди советских людей, разрушение экономики и инфраструктуры СССР, ликвидация крупнейших заводов и фабрик, превращение в пустыню мест проживания миллионов людей – вот разрушительные итоги Великой Отечественной войны. Только Победа над фашистской Герма-

нией позволила сохранить суверенитет нашего государства и достаточно быстро выйти на довоенный уровень развития, стать атомной державой, первыми использовать атом в мирных целях, первыми начать освоение космического пространства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Герасименко Д., Колкер И., Нехорошков Ф. Славен героями Северный флот. Кн. изд-во, Мурманск, 1974.
2. Золотарев В., Козлов И. Три столетия российского флота. Т.4. СПб.: Полигон, 2005.
3. Левшов П. В., Болтенков Д.Е. Век в строю ВМФ: Авиация Военно-Морского Флота России (1910 – 2010). Справочник. – СПб., Специальный выпуск альманаха «Тайфун», 2012. URL: <http://www.airaces.ru/stati/morskaya-aviaciya-sssr-v-gody-vojjny-severnyjj-flot.html> (дата обращения 12.08.2020)
4. Баранов А.Е. Ленд-лиз. Северные конвои. Стратегическое значение // Военное обозрение URL: <https://topwar.ru/78712-lend-liz-severnye-konvoi-strategicheskoe-znachenie.html> (дата обращения 12.08.2020)
5. Козлов И. А. Действия Северного флота на морских коммуникациях в Великую Отечественную войну 1941 – 1945 гг. Л., 1961.
6. Морская авиация СССР в годы войны. Северный флот. URL: <http://www.airaces.ru/stati/morskaya-aviaciya-sssr-v-gody-vojjny-severnyjj-flot.html>. (дата обращения 12.08.2020)
7. Великая Отечественная война 1941 – 1945: энциклопедия. /Гл. ред. М.М. Козлов. – М.: Сов. энциклопедия, 1985.
8. Жирохов М. Асы над тундрой. Воздушная война в Заполярье. 1941–1944. М., ЗАО «Издательство Центрполиграф». 2011.
9. Золотарев В., Козлов И. Три столетия российского флота. Т.4. СПб.: Полигон, 2005.
10. Рыбин Ю. О Сафонове не по мемуарам // Мир Авиации. 1995. № 1.
11. Дорога в небо. URL: <https://histrf.ru/biblioteka/b/boris-safonov-prirozhdennyi-as-vvs-sieviernogho-flota> (дата обращения 12.08.2020).

REFERENCES

1. Gerasimenko D., Kolker I., Nekhoroshkov F. Slaven geroyami Severnyj flot [The Northern fleet is famous for its heroes]. Murmansk. 1974.
2. Zolotarev V., Kozlov I. Tri stoletiya rossijskogo flota. [Three centuries of the Russian Navy]. Т.4. SPb. 2005.
3. Levshov P. V., Boltencov D.E. Vek v stroyu VMF: Aviaciya Voенno-Morskogo Flota Rossii (1910-2010). Spravochnik [Century in the Navy: aviation Of the Russian Navy (1910-2010)]. – SPb., 2012. URL: <http://www.airaces.ru/stati/morskaya-aviaciya-sssr-v-gody-vojjny-severnyjj-flot.html> (accessed 12.08.2020)
4. Baranov A.E. Lend-liz. Severnye konvoi. Strategicheskoe znachenie [Lend-lease. Northern convoy. Strategic importance].Voенное obozrenie URL: <https://topwar.ru/78712-lend-liz-severnye-konvoi-strategicheskoe-znachenie.html>
5. Kozlov I. A. Dejstviya Severnogo flota na morskikh kommunikacijah v Velikuyu Otechestvennyuyu vojnu 1941 – 1945 gg. [Actions of the Northern fleet on sea communications in the great Patriotic war of 1941 – 1945]. L., 1961.

6. Morskaya aviaciya SSSR v gody vojny. Severnyj flot [Морская авиация СССР в годы войны. Северный флот]. URL: <http://www.airaces.ru/stati/morskaya-aviaciya-sssr-v-gody-vojjny-severnyjj-flot.html>. (accessed 12.08.2020)
7. Velikaya Otechestvennaya vojna 1941 – 1945: enciklopediya [Great Patriotic war of 1941 – 1945: an encyclopedia]. M., 1985.
8. Zhirohov M. Asy nad tundroj. Vozdushnaya vojna v Zapolyar'e. 1941 – 1944 [Aces over the tundra. Air war in the Arctic. 1941 – 1944]. M., ZAO «Izdatel'stvo Centrpoligraf». 2011
9. Zolotarev V., Kozlov I. Tri stoletiya rossijskogo flota. T.4 [Three centuries of the Russian Navy]. SPb.: Poligon, 2005.
10. Rybin YU. O Safonove ne po memuarom [About Safonov not from memoirs]. Mir Aviicii. 1995. № 1.
11. Doroga v nebo [Road to the sky]. URL: <https://histrf.ru/biblioteka/b/boris-safonov-prirozhdienyi-as-vvs-sieviernogho-flota>. (accessed 12.08.2020)

Информация об авторе: Курков Геннадий Михайлович, кандидат исторических наук, доцент, председатель Совета Ейского отделения РВИО, Почётный работник высшего профессионального образования РФ.
Краснодарский край, г. Ейск, Россия
e-mail: kurkovgm@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи

Information about the author: G.M. Kurkov, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Chairman of the Council of the Yeisk Branch of the RWIO, Honorary Worker of Higher Vocational Education of the Russian Federation.
Krasnodar territory, Yeisk, Russia
e-mail: kurkovgm@mail.ru

The author has read and approved the final manuscript

Статья поступила в редакцию / The article was submitted: 07.09.2020

Одобрена после рецензирования и доработки / Approved after reviewing and revision: 16.10.2020

Принята к публикации / Accepted for publication 27.10.2020

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов./ The author declares no conflicts of interests

Научная статья

DOI: 10.17748/2686-8814-2020-2-5-18-32

УДК 94:37.09(477.62)"1917"

Надежда Николаевна Разумная
Донецкий национальный университет
г. Донецк, ДНР
n.razumnaya@donnu.ru

**ОСОБЕННОСТИ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ
НА ТЕРРИТОРИИ МАРИУПОЛЬСКОГО УЕЗДА В 1917 г.**

В статье рассматриваются проблемы, возникшие в сфере образования на территории Мариупольского уезда в условиях социально-экономического кризиса 1917 г. Особое внимание уделяется вопросам финансирования старых и новых школ, училищ, определены основные приоритеты в сфере образования. Новизна работы состоит в изучении докладов, прозвучавших на чрезвычайной сессии Мариупольской уездной управы осенью 1917 г. Сделаны выводы о том, что в связи со сменой государственной власти происходит изменение в руководстве и функционировании некоторых образовательных учреждений на местном уровне. В связи с общим углубляющимся экономическим кризисом 1917 г. возникают определенные финансовые проблемы и в Мариупольском уездном земстве.

Ключевые слова: Первая мировая война, временное правительство, земство, образование, сельское общество, Мариупольский уезд, 1917 год

Для цитирования: Разумная Н.Н. Особенности системы образования на территории Мариупольского уезда в 1917 г. *Культурный ландшафт регионов* 2020. Том. 2. № 5. с.18-32.

DOI: 10.17748/2686-8814-2020-2-5-18-32

Original article

Nadezhda N. Razumnaya
 Donetsk National University
 Donetsk, DPR
 n.razumnaya@donnu.ru

**FEATURES OF SYSTEM OF EDUCATION
 ON TERRITORY of MARIUPOL DISTRICT IN 1917**

The article is devoted to study the problems that arose in the field of education on the territory of Mariupol District in the conditions of social-economical crisis in 1917. Particular attention is paid to the problems of financing old and new schools, colleges, the main priorities in the field of education are determined.

The novelty of the article consists in the study of the reports, which is made at the emergency session of Mariupol district Staff in 1917. It is concluded that due to the change of State power, there is a change in the leadership and functioning of some educational institutions at the local level.

In connection with the general economic crisis of 1917, certain financial problems arise in the Mariupol district Zemstvo.

Keywords: World War First, provisional government, Zemstvo, Education, rural society, Mariupol district, 1917

For citation: Razumnaya N.N. Features of system of education on territory of Mariupol district in 1917. Cultural landscape of the regions. 2020. Vol. 2. no. 5. PP. 18-32.

DOI: 10.17748/2686-8814-2020-2-5-18-32 (In Russ.)

Актуальность данной проблемы обусловлена недостаточной степенью изученности событий, происходивших на территории Донбасса в 1917 г. В связи с событиями февраля 1917 г. на территории Российской империи, последующей деятельностью Временного правительства, на территории Екатеринославской губернии происходили существенные изменения в системе образования. И Мариупольский уезд не был исключением. Даже в условиях общегосударственного кризиса 1917 г. местные органы самоуправления пытались поддерживать существующие образовательные учреждения и открывать новые, способствовать распространению грамотности среди сельского населения.

Рассмотрение проблем, посвященных событиям Первой мировой войны на территории Донбасса, заметно активизировалось [1, с. 142-147; 2, с. 32-41; 3, с. 35-42].

В связи с необходимостью принятия решений по различным накопившимся к тому времени актуальным вопросам, 10 сентября 1917 г. состоялось заседание чрезвычайной сессии Мариупольского уездного земского собрания. В его работе приняли участие выборные представители от населения: гласные Фон-Йорк Дмитрий Данилович, Рабе Яков Самуйлович, Макогон Павел Матвеевич, Коротков Петр Павлович, Гвоздиковский Николай Кондратович, Мацегора Иван Яковлевич, Куц Михаил Николаевич, Титирка Василий Зиновьевич, Трифильев Юрий Васильевич, Клещевник Феофан Степанович, Ермаков Дмитрий Захарьевич, Шумский

Иван Семенович, Зинченко Герасим Иванович, Дегтаренко Григорий Тимофеевич, Тамуров Григорий Данилович, Катрич Григорий Данилович, Шаповалов Иван Константинович, Богатюк Михаил Трофимович, Замыслова Мария Николаевна, Левицкий Александр Александрович, Челпанбаев Александр Васильевич, Коваленко Иван Пантелеевич, Семенов Петр Алексеевич, Сосновский Василий Иванович, Вейнгард Федор Яковлевич, Лисовиц (инициалы в источнике отсутствуют).

В связи с приходом к власти Временного правительства, 8 мая 1917 г. были упразднены губернские и уездные училищные Советы, которые осуществляли руководство народным образованием в Российской империи. До издания общего закона о народном образовании руководство учебными учреждениями осуществляли губернские и уездные земства. После получения данного распоряжения при Мариупольской уездной земской управе была образована комиссия по народному образованию. В ее состав вошли представители реорганизованного Училищного Совета и новые лица: член управы, заведующий народным образованием, заведующий отделом народного образования, два врача – в общей сложности 37 человек.

Комиссия рассматривала все вопросы, связанные с развитием народного образования на территории Мариупольского уезда. За период с 17 июля по 10 сентября состоялось 21 заседание и было рассмотрено более 200 вопросов. Комиссией был принят проект организации процесса управления сферой образования в уезде. Руководство осуществлял Временный уездный комитет. Комитету подчинялись общественные школы и другие просветительские организации уезда. В его компетенции было утверждение школьных программ, общий контроль над учебными заведениями, назначение, переводы и увольнение учителей, утверждение смет, школьная статистика и т.д. В заседании комитета могли принимать участие и другие специалисты. Председатель и секретарь комитета по народному образованию избирались из числа членов комиссии [4, с. 127-129].

Был создан отдел народного образования, который состоял из управляющего комитета, четырех руководителей учебной частью, руководителя профессиональным образованием, заведующего внешкольным образованием, школьного врача и техника. Руководители учебной частью и отделом внешкольного образования назначались из числа лиц, получивших среднее образование и имеющих определенный стаж работы. В исключительных случаях на должность руководителя могли избирать лиц, не получивших среднего образования [5, с. 131].

От уполномоченного родительских организаций средних учебных заведений и женского профессионального училища в г. Мариуполе в земскую управу поступила просьба о предоставлении материальной помощи данным учебным заведениям. Это было мотивировано тем, что в связи с повышением цен на предметы первой необходимости все учебные заведения вынуждены были поднять плату за обучение на 100–120%. Такое повышение платы для многих учащихся являлось непосильным, поэтому многие из них задумывались о прекращении обучения. Даже возникал вопрос о закрытии данных учебных заведений. Комиссия по народному образованию, рассмотрев данную просьбу, пришла к выводу, что нарушение нормального процесса функционирования учреждений народного образования на территории Мариупольского уезда было бы нежелательным. Из городского и уездного земского бюджета была оказана определенная материальная помощь учебным заведениям г. Мариуполя.

Состоялось совещание, в котором приняли участие представители средних учебных заведений и родительских организаций, члены Комиссии по народному образованию, на котором детально обсуждался вопрос финансового положения

учебных заведений. На этом совещании было отмечено тяжелое положение всех учебных заведений г. Мариуполя, но окончательное решение вопроса о форме и размерах помощи этим учебным заведениям отложено до октября 1917 г. К тому времени все учебные заведения должны были предоставить сведения о нуждающихся учащихся. Отдельное внимание было обращено на тяжелое материальное положение городского женского профессионального училища в связи с ограниченной оплатой труда учителей [6, с. 132-133].

В 1916/17 учебном году в данном училище числилось свыше 200 учащихся. Его содержание оплачивало государство не без участия Мариупольского уездного земства. В связи с необходимостью повышения окладов учителям до необходимого прожиточного минимума, а также в связи с огромным повышением хозяйственных расходов училища его бюджет на предстоящий учебный год увеличили с 9725 до 22 580 рублей. В ходе обсуждения высказывались мнения о необходимости поднять плату за обучение вдвое, что давало бы дополнительные 2 тыс. рублей (годовая плата за обучение – 12 рублей). Оставался дефицит бюджета в 10 тыс. рублей, который мог быть покрыт с помощью городского и земского самоуправления.

Уездное земство принимало участие в содержании названного училища на $\frac{1}{4}$, городское самоуправление в $\frac{2}{4}$. Комиссия посчитала, что в сокращении дефицита земство могло бы оказать финансовую помощь в размере $\frac{3}{4}$, т.е. в сумме 2500 рублей в виде единовременного пособия, на 1917/18 учебный год. Члены Комиссии, гласные земской управы доложили чрезвычайному уездному земскому собранию о безвыходном положении данного учебного заведения [6, с. 134].

19 августа 1917 г. был принят циркуляр министра народного просвещения № 2873, опубликованный в Вестнике временного правительства от 26 августа за № 140/186 [7, с. 142], в соответствии с которым все начальные церковно-приходские школы переходили в распоряжение местных органов самоуправления. Земская управа направила две комиссии для изучения материального состояния данных учебных заведений. На территории Мариупольского уезда действовало 60 одноклассных церковно-приходских школ. Открытых комплектов насчитывалось 94, на 79 из них был открыт государственный кредит по 390 руб. на каждый. Управа просила предоставить кредит на период последней трети 1917 года для оплаты жалования сторожам: по 420 руб. на каждую из 33 одноклассных школ в общей сумме 4620 руб.; по 540 руб. на каждую из 23 двухкомплектных школ в сумме 4140 руб.; по 660 руб. на трехкомплектные школы [7, с. 142].

На рассмотрение управы поступил доклад о включении в школьную сеть уезда и о принятии на содержание за счет земства еврейских и немецких начальных училищ Мариупольского уезда. Названные ходатайства были переданы на рассмотрение Комиссии по народному образованию. Комиссия обследовала санитарно-техническое и материально-техническое состояние всех еврейских и немецких начальных училищ. До того времени все данные школы содержались за счет соответствующих сельских обществ. После выяснения ситуации оказалось, что все училища обеспечены более или менее удовлетворительными помещениями и лишь некоторые из них находятся в крайне запущенном состоянии, например такие как в с. Зеленопольском.

После всестороннего обсуждения вопроса комиссия постановила: вопрос о еврейских начальных училищах г. Мариуполя оставить открытым в связи с последующим выделением города в отдельную земскую единицу. Было решено ходатайствовать перед Министерством народного просвещения о включении в школьную сеть уезда еврейских и немецких церковно-приходских и существую-

щих на общем основании закона от 1 июля 1914 г. училищ, в общем количестве около 17. Было признано необходимым принять еврейские и немецкие начальные училища в распоряжение уездного земства. Комиссия пришла к выводу, что для этого сельские общества должны были привести в полный порядок здания школ, квартиры и все сопутствующие помещения. После окончания войны планировался капитальный ремонт зданий за счет сельских обществ [8, с. 209-211].

Еще в мае 1917 г. состоялось заседание обновленного состава Мариупольского уездного земского собрания. Была подчеркнута необходимость создания на территории уезда благоприятных условий для развития начального и среднего образования. К тому времени на территории уезда функционировало три высших начальных училища – в селах Мангуш, Бешево и Богатырь. Кроме того, предусматривалось открытие подобных начальных училищ в селах Игнатьевка, Янисоль, Павловка, Сартана, Карань и Александровка. В связи с тем, что средние школы городов были переполнены, на тот момент почти все они проводили обучение в две смены. Количество учащихся доходило до 700–800 человек. Такое скопление учеников различных возрастов часто ставило процесс обучения и воспитания в невыгодное положение, что ущемляло интересы не только учащихся, но и учителей [9, с. 196-197]. Далее в докладе, прозвучавшем на чрезвычайной сессии Мариупольского уездного земства, обосновывалось данное прошение. Городской образ жизни влиял на детей, приехавших из деревенской среды и лишенных родительского внимания и поддержки. Вопрос об определении детей в данные учебные заведения для родителей часто стоял так: учить или не учить?

Педагогическая мысль того времени также склонялась к тому, что необходимо выводить средние учебные заведения из города в деревню, на лоно природы, имея в виду более естественное воспитание в условиях деревенской жизни. Открытие средних школ в уезде на тот момент было связано и с финансовыми возможностями населения, особенно в условиях войны, когда содержание учащегося в городе обходилось до 100 руб. в месяц и поэтому являлось доступным лишь обеспеченным семьям.

Считая вполне целесообразным отделение учащихся младшего школьного возраста, Министерство народного просвещения установило новый тип средней школы, гимназий и народных училищ в составе четырех средних классов – 5-го, 6-го, 7-го и 8-го. Учитывалось то, что в 1-й (5-й класс) такого учебного заведения будут поступать лица, окончившие курс высшего начального училища. Для открытия таких учебных заведений в распоряжение Министерства народного просвещения были определены значительные средства. На основании изложенного комиссия по народному просвещению в уезде пришла к заключению, что уже с 1917 г. была необходимость в открытии одного учебного заведения смешанного типа в составе четырех старших классов.

При обсуждении вопроса о месте открытия средней школы Комиссия остановилась на четырех населенных пунктах: Павловке, Игнатьевке, Большой Янисоли и деревне Нескучной. При этом комиссия учитывала следующие условия: 1) отдаленность села от города, где находились средние учебные заведения; 2) населенность района; 3) близость к станции железной дороги; 4) количество учащихся в ближайших высших и средних учебных заведениях; 5) наличие помещения для учебного заведения; 6) культурные условия, необходимые для жизни учебного заведения.

Было подчеркнуто, что ни один их вариантов не соответствовал поставленным условиям, выделялось только с. Нескучное. Рядом находилось бывшее имение барона Корфа. Барон Корф в качестве гласного Александровского земства

приложил массу усилий в процессе создания народной школы Александровского и Мариупольского уездов [9, с. 198-199]. Он стоял у истоков создания земской школы на территории Екатеринославской губернии. Поэтому Комиссии казалось, что место первой в уезде средней школы именно там, где была открыта первая в уезде народная школа. Средняя школа в усадьбе Барона Корфа, его имени, должна была увековечить память выдающегося деятеля. Было отмечено, что до 1917 г. в честь барона Корфа была названа одноклассная школа в с. Нескучном Мариупольского уезда и двухклассная – в с. Федоровке Александровского уезда.

Комиссия по народному образованию обратилась к сельским обществам с предложением инициировать открытие средних школ и сообщить, какую часть финансовой помощи может оказать сельское общество. В ответ поступили два предложения от Ипатьевского и Нескученского сельских обществ. Был получен ответ от наследницы барона Корфа Е.Н. Немирович-Данченко, которой принадлежала его усадьба. Членами комиссии была осмотрена данная усадьба и Игнатъевская второклассная церковно-приходская школа, перешедшая в ведение земства. После обследования усадьбы оказалось, что она является идеальным местом для открытия в ней среднего учебного заведения. В пользу усадьбы было то, что на ее территории находился большой дом и, к сожалению, больше почти ничего [9, с. 200].

Были все основания для открытия среднего учебного заведения в здании Игнатъевской церковно-приходской школы, поскольку она имела собственное двухэтажное здание размером 10x7 сажений. На втором этаже находились четыре классные комнаты, коридор и по две комнаты квартир для учителей. На первом этаже располагались три больших классных комнаты, предназначенные для спален учащихся, и коридор. Кроме того, значительная часть нижнего этажа, площадью до 35 кв. сажений, была занята квартирами учителей и кухнями. Школа была снабжена необходимой классной мебелью, инвентарем и общежитием для учащихся [9, с. 201]. Второклассной школе принадлежала усадьба в 1 десятину, и, кроме того, Игнатъевское общество согласилось предоставить среднему учебному заведению большое здание волостного правления со службами и двором, прилегающее к усадьбе школы. Планировалось приспособить здание волостного правления под квартиру директора и учителей средней школы. Общество отдавало в распоряжение среднего учебного заведения еще и участок земли в 6 десятин. Предполагая открытие среднего учебного заведения в здании Игнатъевской второклассной школы, Комиссия посчитала, что судьба учащихся данной школы может быть устроена двояко: во-первых, учащиеся могли продолжить обучение до окончания курса, с учетом того, что в первом году понадобится одна или в крайнем случае две классные комнаты; во-вторых, принимая во внимание сравнительно небольшое значение второклассной школы для будущих учителей, рассматривался вопрос о возможном ее закрытии в течение первого года, предоставив возможность учащимся этой школы поступить в 1917 г. во вновь открытое в с. Игнатъевка высшее начальное училище.

Комиссия пришла к следующему заключению:

– во-первых, признать необходимым открытие на средства Министерства народного просвещения среднего учебного заведения, реального училища или мужской гимназии, смешанного типа, в составе четырех классов в с. Игнатъевка Мариупольского уезда [9, с. 202];

– во-вторых, предложить чрезвычайному Мариупольскому земскому собранию просить принять следующие меры к открытию средней школы:

а) управе ходатайствовать в Министерстве народного просвещения о выделении государственных средств для открытия среднего учебного заведения в с. Игнатъевка;

б) земской управе документально оформить все обязательства Игнатъевского сельского общества по данному вопросу;

в) если Министерство народного просвещения откажет в средствах на открытие среднего учебного заведения в с. Игнатъевка в связи с военным временем, выделить в земской уездной смете 1918 года на оборудование и содержание среднего учебного заведения до 18 526 руб. 25 коп., в том числе на дополнительное оборудование училища – 3 000 руб., на содержание училища в последнюю четверть 1917 года – 4 983 руб. 75 коп., на содержание в первую половину 1918 года – 9 967 руб. 50 коп. и 575 руб. на увеличение содержания помощника классного наставника и письмоводителя: первому – с 600 до 1200 руб. и второму – с 720 до 900 руб., при наличии квартир [9, с. 203].

Принимая во внимание необходимость улучшения качества и количества учебных заведений на территории уезда, земство не могло ограничиться открытием только одного среднего учебного заведения. Следовало приложить все усилия для открытия в уезде еще целого ряда средних школ. Комиссия по народному образованию документально оформила данную просьбу и направила ее на рассмотрение земского собрания. Она состояла из трех основных пунктов: поручить земской управе совместно с комиссией по народному образованию разработать вопрос об открытии второй средней школы в усадьбе барона Н.А. Корфа; рекомендовать представителям земской управы провести переговоры с владельцами усадьбы о ее покупке в целях дальнейшего открытия среднего учебного заведения; на предстоящем очередном земском собрании заслушать доклад о результатах переговоров [9, с. 204].

К докладам, прозвучавшим на чрезвычайной сессии уездного земского собрания, прилагались приговоры сельских обществ, инициирующих рассмотрение данных вопросов. Так, к примеру, 6 августа 1917 г. состоялся сельский сход в с. Игнатъевка Мариупольского уезда, на котором был принят приговор и занесен в книгу под № 95. На сходе в присутствии местного сельского старосты Николая Савича Сачли собрались 600 поселян, что составляло более 2/3 всего сельского общества. Было заслушано предложение уездной земской управы № 1064 от 24 июня 1917 г. об открытии гимназии с 5-м, 6-м, 7-м и 8-м классами в с. Игнатъевка. Общество единогласно постановило, что двухклассную церковную школу, перешедшую к тому времени в ведение Игнатъевского сельского общества, вместе с фруктовым садом в 1 десятину земли и 6 десятинами земельного участка отдать под среднее учебное заведение.

Для квартиры директора и учителей общество решило предоставить имеющее по соседству здание волостного правления со всеми службами и двором. Сельский сход единогласно поддержал прошение, направленное в Мариупольскую уездную земскую управу, об открытии гимназии в с. Игнатъевка [10, с. 206].

Был также заслушан доклад об открытии в уезде новых школьных комплектов 1-го и 2-го классов в новом учебном 1917/18 году. Согласно заключению комиссии по народному образованию, утвержденному земской управой, в Мариупольском уезде было предложено открыть 12 новых школьных отделений для 1-го и 2-го классов.

По инициативе земского собрания земская управа направила на рассмотрение в Министерство народного просвещения запрос о выделении земству материальной помощи на содержание новых комплектов 2-го класса в селах Валерья-

новка, Ново-Каракуба, Константинополь и Ольговка. Основанием послужил закон, принятый 7 июля 1913 г. в условиях общего экономического кризиса на период последней трети 1917 г. и на весь 1918 г.

В земскую управу поступили ходатайства Игнатъевского, Камарского и Павловского сельских обществ об открытии высших начальных училищ осенью 1917 г. в соответствии с положением о высших начальных училищах принятым 25 июня 1917 г. [11, с. 217].

Игнатъевское общество, рассчитывая открыть высшее четырехклассное начальное училище, предоставляло для него временное помещение в здании двухклассного училища. По окончании войны Игнатъевское общество рассчитывало построить на свои средства отдельное здание для училища с квартирами для учителей. Учитывая, что в 1917 г. в распоряжении Министерства народного просвещения не было средств на открытие высшего начального училища, Игнатъевское сельское общество выделило на содержание училища с 1 сентября 1917 г. по 1 июля 1918 г. 9727 руб. 50 коп. Планировалось с 1 июля 1918 г. содержание училища передать Министерству народного просвещения или Мариупольскому уездному земству. При этом общество выделило 2 тыс. руб. на оборудование высшего начального училища и столько же на его содержание.

В свою очередь, Камарское сельское общество инициировало открытие высшего начального училища в 1917 г. в составе 1–2-го классов на определенных условиях. Общество предоставляло для высшего начального училища временно приспособленное помещение с тем условием, что по окончании войны общество обязалось построить специальное помещение для высшего начального училища по плану Министерства народного просвещения, для чего выделило из своих средств 40 тыс. руб. Обязывалось предоставить инспекторам и учителям высшего начального училища квартиры с отоплением и освещением. Отводило безвозмездно под усадьбу высшего начального училища 3 десятины земли. При постройке здания высшего начального училища общество брало на себя доставку всех строительных материалов по наряду бесплатно. Выделило из своих средств одновременно на содержание высшего начального училища в последнюю треть 1917 г. 4015 руб. и на первую половину 1918 г. 5035 руб., с тем условием, что с 1 июля 1918 г. содержание училища планировалось передать на средства государства или земства. В заключение общество предоставило на содержание высшего начального училища по 1 тыс. руб. в год.

Павловское сельское общество инициировало открытие высшего начального училища в с. Павловка, но на определенных условиях. Общество предоставляло для высшего начального училища помещение двухклассного училища с тем, что старшие отделения двухклассного училища будут преобразованы в высшее начальное училище. Планировалось на основе 1-го класса (3-е отделение) открыть одноклассное народное училище, которому в 1917/18 учебном году отводилось помещение в одном здании с высшим начальным училищем. По окончании войны общество рассчитывало построить для него специальное здание. Павловское общество выделило из своих средств разовую помощь на обустройство высшего начального училища 3 тыс. руб. и ежегодно на его содержание 500 руб. Рассчитывали, что высшее начальное училище может быть открыто в 1917 г. за счет государства или земства.

Комиссия по народному образованию, рассмотрев данные просьбы сельских обществ, приняла решение о том, что высшие начальные училища не только дают законченное начальное образование, но и являются связывающим звеном

между низшей и средней школой, открывая таким образом населению путь к получению среднего и высшего образования [11, с. 218-219].

Земская управа, присоединяясь к заключению Комиссии по народному образованию, рекомендовала земскому собранию принять следующее постановление:

Во-первых, предложить губернской земской управе рассмотреть вопрос об изменениях в сети высших начальных училищ Мариупольского уезда, дополнив ее высшим начальным училищем в с. Игнатьевка.

Во-вторых, обратиться в Министерство народного просвещения с вопросом об открытии в селах Игнатьевка, Камара и Павловка высших начальных училищ с начала 1917/18 учебного года на условиях, изложенных в приговорах сельских обществ.

В-третьих, на случай, если Министерство народного просвещения признало бы невозможным взять на себя содержание училища в с. Павловка с начала 1917/18 учебного года, выделить из средств Мариупольского земства в смете 1918 г. 8150 руб. на содержание высшего начального училища в с. Павловка на период последней трети 1917 г. и первой половины 1918 г. с расчетом, что Министерство народного просвещения возьмет на себя финансирование этого училища с 1 июля 1918 г. [11, с. 220].

27 августа 1917 г. состоялся сельский сход с. Павловка Мариупольского уезда Екатеринославской губернии. В присутствии сельского старосты Григория Власенка заслушали доклад учителя Н. Андреева, уполномоченного от Павловского сельского общества в уездное земство. Выступали с инициативой о преобразовании в 1917 г. местного двухклассного земско-общественного училища в высшее начальное училище. Необходимо было только выделить определенную сумму на содержание высшего начального училища как разово, так и ежегодно, определить временное, а со временем и постоянное помещение для 1-го класса двухклассного училища. Сельский сход, в дополнение к приговору от 6 августа, единогласно постановил: предоставить единовременно на содержание высшего начального училища 3 тыс. руб. и ежегодно по 500 руб.; предоставить временное, а со временем и постоянное помещение для 1-го класса двухклассного училища. Приговор подписали 30 грамотных и 181 неграмотных домохозяев [11, с. 221].

6 августа состоялся сельский сход населения с. Павловка в присутствии председателя Исполнительно-продовольственного комитета Григория Власенко. Слушали предложение № 1065 Мариупольской уездной земской управы от 25 июля 1917 г. об открытии в с. Павловка среднего учебного заведения в составе старших четырех классов (5-го, 6-го, 7-го и 8-го классов). В с. Павловка высшего начального училища, из которого ученики могли бы переходить в среднее учебное заведение и высшие классы, не было, а было двухклассное земское училище, которое по своему устройству могло бы быть преобразовано в высшее начальное училище. На сельском сходе постановили инициировать перед Мариупольской уездной земской управой и другими учреждениями преобразовать двухклассное земское училище с начала учебного 1917 г. в высшее начальное училище. Для быстрого рассмотрения данного вопроса постановили избрать уполномоченным учителя Никонора Ивановича Андреева, выделив ему на расходы по поездке из общественных сумм 25 руб. [11, с. 222].

В связи со сложной экономической ситуацией на данной сессии Мариупольского уездного земского собрания был также заслушан доклад о выделении средств на изготовление школьной мебели для начального училища Мариупольского уезда. Предусматривалось в 1917/18 учебном году открыть в Мариуполь-

ском уезде свыше 40 новых школьных комплектов (отделений) 1-го и 2-го классов.

Такое, сравнительно большое, количество новых отделений вызывало необходимость снабжения отделений и квартир учителей мебелью, партами, столами, классными досками, стульями, табуретками и т.д. По приблизительному подсчету для обеспечения всех открываемых комплектов мебелью необходимо было изготовить:

- 1) 450–500 двухместных парт, из них для старшего возраста – до 160 скамеек, для среднего – до 70, для младшего – до 270. В первую очередь необходимо было изготовить 360 парт общей стоимостью до 14 400 руб.;
- 2) столов учительских (классных) до 30 шт. стоимостью 450 руб.;
- 3) классных досок до 20 шт. стоимостью до 900 руб.;
- 4) вешалок для платьев 900 учащихся, стоимостью до 400 руб.;
- 5) столов для учительских квартир до 15–26 шт. стоимостью до 400 руб.;
- 6) табуреток до 20 шт. стоимостью до 40 руб.;
- 7) стульев до 5 дюжин стоимостью до 800 руб.;
- 8) кроватей для учительских квартир до 12 шт. стоимостью до 300 руб.;
- 9) кадок для воды до 30 шт. стоимостью до 300 руб.

На все необходим был кредит до 20 тыс. руб. Часть парт (около 100 шт.) земская управа рассчитывала взять отремонтировать у женской гимназии. Отправить по школам с тем условием, что после приобретения новой школьной мебели они будут возвращены. Другую часть мебели земская управа предполагала изготовить в земской ремесленной учебной мастерской на свои средства. На основании этого земская управа предлагала выделить из сметы 1918 года 17 500 руб. для заготовки необходимой мебели для вновь открытых школ и отделений [12, с. 148-149].

Несколько лет подряд шла переписка между Мариупольским уездным земством и Министерством народного просвещения о преобразовании Темрюкской земской учебной ремесленной мастерской в высший тип ремесленного учебного заведения [13, с. 170]. В плане развития профессионального образования Мариупольский уезд не был исключением из правил среди других уездов Екатеринославской губернии. Профессионального образования в Мариупольском уезде почти не было, а имевшаяся база в виде ремесленных мастерских вряд ли играла серьезную роль в развитии профессионального образования и повышения производительности труда населения.

Земства не только Мариупольского уезда, но и всей России по разным причинам и обстоятельствам слишком мало внимания уделяли профессиональному образованию. Основное внимание было сосредоточено в области народного образования на уровне школы, что негативно влияло на общую тенденцию и сказывалось на отсталости технического производства.

Если говорить о существующих в Мариупольском уезде земских учебных ремесленных мастерских, то и здесь были приняты нововведения. Комиссия по народному образованию приняла решение о реорганизации ремесленных учебных мастерских в селах Благодатном, Темрюк и в г. Мариуполе. В соответствии с положением, принятым Временным правительством 11 июля 1917 г., ремесленные мастерские преобразовывались в высший тип ремесленных учебных заведений – ремесленные школы. В курс обучения ремесленных школ, кроме изучения ремесел, вводилось преподавание общеобразовательных и специальных предметов: русский язык, Закон Божий, арифметика, начала геометрии, физики, механики и технологии, черчение, рисование и т.д. Значи-

тельное внимание уделялось вопросу улучшения материального положения учителей данных мастерских [13, с. 171];

Был принят проект, по которому земские ремесленные мастерские в 1918/19 учебном году планировалось преобразовать в ремесленные школы. В соответствии с утвержденным 11 июня 1917 г. Временным правительством штатом промышленных училищ планировалось увеличить содержание каждой из школ на 3 тыс. руб., выделить из средств Мариупольского уездного земства по 2 тыс. руб. на содержание каждой из школ. Планировалось из средств казны просить выделить одновременно по 2 тыс. руб. на каждую и ежегодно по 7550 руб. каждой.

Как оказалось, ремесленная школа в г. Мариуполе находилась в арендованном помещении, срок аренды не продлили, поэтому с учетом того, что город был выделен в отдельную земскую единицу, было решено перенести данную школу в следующем учебном году в с. Новоспасовка [13, с. 174].

В Подкомиссию отдела народного образования по вопросу реорганизации учебно-ремесленных мастерских Мариупольского уездного земства под председательством Г.И. Старкова, секретаря И.К. Колотова и членов Н.М. Киреева, Н.П. Солдатова, М.А. Васильева, И.Ф. Максюты и Романенкова поступил еще один доклад. Обсудив положение учебно-ремесленных мастерских г. Маруполя и уезда, они решили преобразовать их в ремесленные школы по ремонту сельскохозяйственных машин и предметов сельскохозяйственного назначения с последующим введением преподавания графических искусств, технологии обработки дерева и металлов, кратких сведений по физике и механике, и общеобразовательных предметов. Для поступающих обязательным условием являлось окончание начальной народной школы, возраст от 13 до 16 лет и удовлетворительное физическое здоровье. Курс обучения был определен в 4 года. Желающим планировалось дальнейшее пребывание в школе на 1 год для практики, с правом получения вознаграждения в полном размере чистой прибыли от изделий, изготовленных самим практикантом [213, с. 176-177].

В программе практических работ по столярному, слесарному и кузнечному ремеслам предусматривались: в 1-м классе – столярные работы для всех учащихся; во 2-м классе – слесарные и кузнечные работы; в 3-м классе – столярное, колесное, слесарное и кузнечное ремесла; в 4-м классе – столярное, колесное, слесарное и кузнечное ремесла. Была определена смета расходов, составлен подробный учебный план [13, с. 178, 182-183].

После рассмотрения вопроса о переводе школы из г. Мариуполя в с. Новоспасовка было принято решение о том, что это невозможно, так как 25 выпускников (учащихся последних двух классов) лишались бы права обучения в последних двух классах [13, с. 184-185].

Накануне Первой мировой войны в с. Богатырь на территории Мариупольского уезда по инициативе частного лица З.Г. Базилевич была открыта учебно-ткацкая мастерская. Финансировалась она средствами Министерства земледелия – 600 руб., Екатеринославского губернского земства – 300 руб., Мариупольского уездного земства – 200 руб. в год и деньгами учредительницы, располагавшей очень скромными средствами. Мастерская была действительно нужна, но возможности увеличить ее масштабы у владелицы не было. В связи с ухудшением общего экономического кризиса 1917 г. существование мастерской становилось невозможным. Учредительница З.Г. Базилевич обратилась в уездную земскую управу с просьбой о принятии данной мастерской в распоряжение земства и переносе ее в другой населенный пункт. Мотивировалось данное решение следующим: 1) часть помещения мастерской к тому времени была отдана под почтовую контору; 2) с.

Богатырь находилось далеко от железной дороги, что крайне затрудняло доставку необходимого материала; 3) население с. Богатырь было зажиточным и поэтому мало нуждалось в продукции мастерской, что негативно влияло на ее развитие. Земская управа передала данную просьбу на рассмотрение Комиссии по народному образованию, которая, в свою очередь, приняла соответствующее решение. Мастерская госпожи З.Г. Базилевич была оборудована 10 ткацкими станками, результативность ее деятельности была оценена удовлетворительно, а принятие ее в ведение земства было признано целесообразным [14, с. 186-187]. На территории уезда практически отсутствовала возможность получения профессионального образования для женщин, но ткацким ремеслом занималось как греческое, так и русское население. Мастерская действительно была востребована. Комиссия предложила реорганизовать мастерскую и ввести преподавание графических искусств (черчения, рисования), арифметики, географии, а также общеобразовательных занятий в виде лекций, чтений и бесед. Деятельность мастерской должна была распространяться и за ее стенами, путем налаживания связи с местными ткачихами, осуществлением сбыта готового материала, приобретением узлов и т.д.

В соответствии с проектом комиссии заведующему мастерской была рассчитана оплата в 1200 руб. в год с квартирой, освещением и отоплением. Уроки общеобразовательных предметов и греческих искусств оплачивались в 360 руб. в год; оклад сторожа составлял 300 руб. в год; на ремонт инвентаря, хозяйственные и канцелярские расходы предусматривалось 200 руб. Учительнице ткацкого мастерства предусматривался оклад в 720 руб. в год с квартирой, освещением и отоплением. В итоге расходы на содержание должны были составить 2780 руб. в год. Квартира для мастерской и учителей была отведена в том же населенном пункте. Служащие при мастерской получали прибавки к жалованию на дороговизну и за выслугу лет. Кроме того, планировался единовременный расход: на уплату г-же З.Г. Базилевич за 10 станков и оборудование для мастерской – 750 руб.; за приобретение дополнительных материалов – 300 руб.; расход по перевозке мастерской и оборудования – 300 руб. Итого – 1350 рублей [14, с. 188-189].

По вопросу перевода мастерской в другой населенный пункт были предложены альтернативные варианты, а именно села Камарь, Мангуш, Павловка, Тетрюк, Ново-Спасовка. Окончательное решение о новом месте для ткацкой мастерской должно было принять уездное земское собрание. Оборудование и имеющийся материал были выкуплены у г-жи З.Г. Базилевич. В Министерство земледелия был отправлен запрос о сохранении за ткацкой мастерской ежегодной субсидии в размере 600 руб. в год. Обращались и в Екатеринославское губернское земство об увеличении пособия мастерской до 1 тыс. руб. в год и в Министерство просвещения о ежегодном пособии Мариупольскому уездному земству из средств казны для содержания учебной мастерской [14, с. 190-191].

Создание ткацкой мастерской было необходимо для развития ткацкого производства как подсобного промысла в Мариупольском уезде. Учебная мастерская содержалась на средства уездного земства. Обучение в ней было бесплатным. Полный курс обучения был двухгодичным при четырехчасовом рабочем дне в первый год обучения и шестичасовом – во второй год обучения. В мастерскую могли приниматься ученицы и на более короткое время, достаточное для обучения средствам обработки определенных тканей и для повышения квалификации. Возраст обучающихся был определен не моложе 14 лет. Для учащихся из других уездов планировалось создание общежития на 4–6 человек или же выдача средств на оплату квартиры и питания. Ученицы, окончившие учебную мастер-

скую, получали свидетельство на звание подмастерья ткацкого мастерства [15, с. 192-193]. Желающие усовершенствоваться в ремесле и получить дополнительные теоретические знания, для того чтобы впоследствии возглавить подобную мастерскую, должны были пройти дополнительный курс обучения в течение еще одного года. В учебной мастерской, кроме теории ткачества, еще вводилось преподавание арифметики и графических искусств. Кроме того, был обозначен вопрос внешкольного образования, проведения дополнительных лекций, чтения, беседы по литературе и естествоведению, истории, географии и гигиене. Необходимые средства для этого отпускались земством. Обучение практическому и теоретическому ткачеству и окрашиванию пряжи вела учительница-специалист под руководством заведующей. В обязанности заведующей мастерской входили общая организация обучения, наблюдение за общим ходом занятий в учебной мастерской, ведение документации, приобретение материалов, представлений управе различных отчетов, смет по производству и т.д. [15, с. 194-195].

В связи со сменой власти в феврале 1917 г. на территории Российской империи и последующей деятельностью Временного правительства, на территории Донбасса и в Екатеринославской губернии в частности происходили существенные изменения в системе образования. Мариупольский уезд не был исключением. Создаются новые организационные структуры местного самоуправления, поскольку в распоряжение земств были отданы церковно-приходские, еврейские и немецкие начальные школы. В условиях общегосударственного кризиса Мариупольское уездное земство продолжало финансировать существующие учебные заведения и способствовало созданию новых – начальных, средних и высших начальных училищ, а также специальных ремесленных мастерских, следуя одной главной цели – повысить уровень и качество народного образования на территории уезда.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Разумная Н.Н. Организация благотворительных мероприятий в учреждениях Одесского учебного округа (1915-1916 гг.)// Причерноморье в истории и современном развитии Российского государства: опыт интеграции. – Сборник научных статей Всероссийской научно-практической конференции. – Керчь. 2-3 ноября 2017 г. – Краснодар. 2017. С.142-147;
2. Разумная Н.Н. Внутренняя политика Временного правительства (на примере Мариупольского уезда)// Журнал исторических, политологических и международных исследований. №4(67), 2018. – Донецк: ДонНУ. – С.32-41;
3. Разумная Н.Н. К вопросу о продовольственном кризисе в Донбассе в 1917 году//Вестник Донецкого национального университета. Серия Б. Гуманитарные науки. №2, 2019. – Донецк: ДонНУ. – С.35-42.
4. Доклад об организации управления народным образованием в уезде// Журналы Мариупольского уездного земского собрания чрезвычайных 30 июля и 10 сентября 1917 г. сессии. – Мариуполь, эл.тип. "Печатное искусство" – 1917. – С.127-129.
5. Доклад об организации управления народным образованием в уезде//Журналы Мариупольского уездного земского собрания чрезвычайных 30 июля и 10 сентября 1917 г. сессии. – Мариуполь, эл.тип. "Печатное искусство" – 1917. – С.131.
6. Доклад об ассигновании пособия Мариупольскому женскому с профессиональным отделением училищу// Журналы Мариупольского уездного зем-

- ского собрания чрезвычайных 30 июля и 10 сентября 1917 г. сессии. – Мариуполь, эл.тип. "Печатное искусство" – 1917. – С. 132-134.
7. Доклад о принятии в ведение земства церковно-приходских школ // Журналы Мариупольского уездного земского собрания чрезвычайных 30 июля и 10 сентября 1917 г. сессии. – Мариуполь, эл.тип. "Печатное искусство" – 1917. – С. 142.
 8. Доклад о включении в школьную сеть уезда и о принятии в хозяйственное ведение земства еврейских и немецких начальных училищ Мариупольского уезда // Журналы Мариупольского уездного земского собрания чрезвычайных 30 июля и 10 сентября 1917 г. сессии. – Мариуполь, эл.тип. "Печатное искусство" – 1917. – С.209-211.
 9. Доклад об открытии среднего учебного заведения в Мариупольском уезде. // Журналы Мариупольского уездного земского собрания чрезвычайных 30 июля и 10 сентября 1917 г. сессии. – Мариуполь, эл.тип. "Печатное искусство" – 1917. – С.196-204.
 10. Доклад об открытии в уезде новых школьных комплектов 1 и 2 классов в новом учебном 1917-1918 гг. // Журналы Мариупольского уездного земского собрания чрезвычайных 30 июля и 10 сентября 1917 г. сессии. – Мариуполь, эл.тип. "Печатное искусство" – 1917. – С.206.
 11. Доклад об открытии высших начальных училищ в с. Камаре, Игнатьевке и Павловке. // Журналы Мариупольского уездного земского собрания чрезвычайных 30 июля и 10 сентября 1917 г. сессии. – Мариуполь, эл.тип. "Печатное искусство" – 1917. – С.217-222.
 12. Доклад об ассигновании средств на изготовление школьной мебели для начальных училищ // Журналы Мариупольского уездного земского собрания чрезвычайных 30 июля и 10 сентября 1917 г. сессии. – Мариуполь, эл.тип. "Печатное искусство" – 1917. – С.148-149.
 13. Доклад о реорганизации земских ремесленных учебных мастерских в г. Мариуполе и с.с. Темрюке и Благодатном // Журналы Мариупольского уездного земского собрания чрезвычайных 30 июля и 10 сентября 1917 г. сессии. – Мариуполь, эл.тип. "Печатное искусство" – 1917. – С.170-185
 14. Доклад об открытии учебно-ткацкой мастерской в Мариупольском уезде // Журналы Мариупольского уездного земского собрания чрезвычайных 30 июля и 10 сентября 1917 г. сессии. – Мариуполь, эл.тип. "Печатное искусство" – 1917. – С.186-191.
 15. Проект положения об учебно-ткацкой мастерской // Журналы Мариупольского уездного земского собрания чрезвычайных 30 июля и 10 сентября 1917 г. сессии. – Мариуполь, эл.тип. "Печатное искусство" – 1917. – С. 192-195.

Информация об авторе: Разумная Надежда Николаевна, Донецкий национальный университет,
г. Донецк, ДНР
n.razumnaya@donnu.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи

Information about the author: Nadezhda N. Razumnaya, Donetsk National University
Donetsk, DPR
n.razumnaya@donnu.ru

The author has read and approved the final manuscript

Статья поступила в редакцию / The article was submitted: 25.08.2020

Одобрена после рецензирования и доработки / Approved after reviewing and revision: 10.10.2020

Принята к публикации / Accepted for publication 27.10.2020

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов./ The author declares no conflicts of interests

Научная статья

DOI: 10.17748/2686-8814-2020-2-5-33-45

УДК 130.2+94(47):908

Нина Сергеевна Ищенко

Луганская государственная академия культуры и искусств имени

М. Матусовского

г. Луганск, ЛНР

ORCID iD: 0000-0001-8616-7087

e-mail.: niofterna@gmail.com

**ХРОНОТОП ЗАТОНУВШЕГО ГОРОДА ЛУГАНСКА В ПОЭМЕ
ЕЛЕНЫ ЗАСЛАВСКОЙ «НЕМО»**

Аннотация: Хронотоп произведения создает пространство реализации духовных смыслов текста. В поэме «Немо» (2019) луганской поэтессы Е. Заславской художественное пространство текста структурируется хронотопом Луганска 2014-го года, который показан как затонувший город. Архаичная мифологема смерти как моря реализуется в поэме с помощью метафорического ряда смерть-море-степь: подводная лодка кургана, ковыльные волны, глаза любимого как маяки во тьме, контрабандисты – флибустьеры, автобус как блуждающий корабль, мобильный телефон – ракушка, мобильные сети – сети, которые ловят родной голос, море русских слов, звука пузырек, песчинка знака. В произведении сконструирован сложный многослойный образ военного города в степи, который в то же время погружен на дно моря. Мифологема смерти как моря, и в то же время архаичная семантика моря как перехода между разными мирами позволяет интегрировать в хронотопе Луганска ряд смыслов, важных для человека русской культуры в ситуации экзистенциального кризиса, вызванного войной: тему исторической памяти, любви, роли русского языка в соединении разных времен и трансляции русской культуры.

Ключевые слова: Елена Заславская, Луганск, культурные архетипы, архетип моря-смерти, культурная память, культурное пространство, русская поэзия, современная поэзия, хронотоп

Для цитирования: Ищенко Н.С. Хронотоп затонувшего города Луганска в поэме Елены Заславской «Немо». Культурный ландшафт регионов 2020. Том. 2. № 5. с. 33-45

DOI: 10.17748/2686-8814-2020-2-5-33-45

Original article

Nina S. Ishchenko

Lugansk State Academy of Culture and Arts named after M. Matusovsky'

Luhansk, LPR

ORCID ID 0000-0001-8616-7087,

e-mail: niofterna@gmail.com

CHRONOTOPE OF THE SUNKEN CITY OF LUGANSK IN THE POEM BY ELENA ZASLAVSKAYA "NEMO"

Abstract: The chronotope in the literature creates a space for the realization of the spiritual meanings of the text. In the poem "Nemo" (2019) by the Luhansk poetess E. Zaslavskaya, the artistic space of the text is structured by the chronotope of Lugansk in 2014, which is shown as a sunken city. The archaic mythologeme of death as the sea is realized in the poem with the help of the death-sea-steppe metaphor: the submarine of the mound, feather-grass waves, the eyes of a loved one are like beacons in the darkness, smugglers are filibusters, a bus is like a wandering ship, a mobile phone is a shell, mobile networks are networks who catch a native voice, a sea of Russian words, a bubble sound, a grain of sand of a sign. The poet constructs a complex multi-layer image of a military city in the steppe, which at the same time is submerged to the bottom of the sea. The mythologeme of death as a sea, and at the same time, the archaic semantics of the sea as a transition between different worlds allows integrating in the chronotope of Lugansk a number of meanings that are important for a person of Russian culture in a situation of an existential crisis caused by the war: the theme of historical memory, love, the role of the Russian language in connection different times and broadcasts of Russian culture.

Keywords: Elena Zaslavskaja, Lugansk, cultural archetypes, the archetype of the sea-death, Russian poetry, modern poetry, cultural space, cultural memory, chronotope

For citation: Ishchenko N.S. Chronotope of the Sunken city of Lugansk in the Poem by Elena Zaslavskaya "Nemo". Cultural landscape of the regions. 2020. Vol. 2. no. 5. PP. 33-45.

DOI: 10.17748/2686-8814-2020-2-5-33-45 (In Russ.).

Объекты культурного ландшафта сохраняются в культурной памяти благодаря эмоционально-насыщенным образам, которые возникают на их основе. Огромную роль в закреплении топографического объекта в исторической памяти играют произведения искусства, в которых фигурирует этот объект. В произведениях литературы конкретный город становится конститутивным элементом хронтопа произведения, в котором интегрируются различные духовные и социальные смыслы. В поэме «Немо» современной поэтессы из Луганска Елены Заславской в качестве хронотопа выступает город Луганск военного времени, 2014-го года. Луганск – город в степи, однако в поэме он показан как город на дне моря, город, который накрыло волной войны. Архаическая семантика воды и морской стихии как перехода между мирами позволяет поэту интегрировать в хронотопе затонувшего Луганска разные смыслы русской культуры, включая тему смерти, памяти, любви и поэзии.

Хронотоп художественного произведения представляет собой время и место, изображенные в тексте. Михаил Бахтин показал, что хронотоп является способом включения смысловых моментов общественной и духовной жизни как в сферу пространства-времени, так и в сферу значений [1, с. 192]. В хронотопе соединяются существенные черты пространства и времени, которые определяют жанровую принадлежность художественного произведения [1, с. 11]. Изобразительное значение хронотопа заключается в том, что, будучи материализацией времени в пространстве, он является центром изобразительной конкретизации всего произведения [1, с. 176]. В поэме Елены Заславской «Немо», созданной в Луганске в 2019 году, отражен опыт военного времени [2]. Хронотоп поэмы – военный Луганск 2014-го года как затонувший город. Рассмотрим, как в этом хронотопе конкретизируются смысловые моменты русской культуры – смерть, память, война, русское поэтическое слово.

Елена Заславская – донбасский поэт, писатель, журналист. Редактор сайта луганской культуры «Одуванчик». Автор семи поэтических сборников: «Эпоха моей любви» (1997), «Мамині сльози» (1997), «Инстинкт свободы» (2005), «Бдыщь-мен и Ко» (2009), «Год войны» (2015), «Бумажный самолет» (2019), «Донбасский имажинэр» (2020), а также книг для детей «Необыкновенные приключения Чемоданте, Чи-Беретты и Пончика» (2016), «Собаки-забияки» (2019), «Сказки Подкроватки» (2019), «Мышка-малышка и ее секрет» (2020), «Хармстихия» (стихи Даниила Хармса с комментариями Елены Заславской) (2020). Член СП ЛНР. Редактор газеты «Камертон» Луганской государственной академии культуры и искусств имени М. Матусовского, преподаватель [3].

Война в Донбассе повлияла на жизнь и творчество Елены Заславской. В 2014 году, когда началась военная агрессия Украины, Елена сделала свой выбор в пользу республик, осталась в Луганске, занимается литературной, преподавательской, общественной деятельностью, особое внимание уделяя культурному аспекту интеграции Донбасса и России. Тема войны, которая пришла в Донбасс после семидесяти лет мира, является постоянным предметом творческого осмысления поэта. Одной из центральных тем творчества Заславской является тема Луганска, города в степи, который оказался под ударом вражеской армии. Поэма «Немо», созданная через пять лет после начала войны, дает богатый материал для исследования хронотопа Луганска как военного города. Военный город Луганск изображается в поэме в образе затонувшего города, города под водой.

Поэма «Немо» состоит из тринадцати частей, написанных от имени разных персонажей. Главные действующие лица поэмы – Русалка, Немо, Марсий, Скиф. Не индивидуализированы, а показаны собирательно враги, с которыми ведется война, и пираты-флибустьеры, которые ловят русалку. Главная тема, оформляющая всё художественное пространство поэмы, это море как стихия воды. Это история

*...Про затонувший город, город Лу,
Луганстеров и черных флибустьеров,
Про идолов, хранящих дикий луг,
Еще жрецов грядущей новой эры,
Про то как смерть поймала на блесну
Меня, русалку из затерянного града,
Как жизнь нас тянет медленно ко дну,
Туда, где морок, тишина, прохлада...*

Для создания образа затонувшего города Елена Заславская использует мифологическое значение моря в русской культуре.

Выражение в русском языке водных объектов изучается в работе Л. И. Горбуновой [4]. Исследовательница указывает разные аспекты разработки этой проблемы. Названия водных объектов изучаются с разных позиций. Это в первую очередь результат действия метафорического механизма [5]; отражение индивидуальной картины мира [6]; отражение языковой картины мира [7, 8]; выражение мифологической картины мира [9].

С точки зрения философии культуры наиболее интересным представляется выражение мифологической картины мира в семантике номинаций водных объектов, включая море, и воды как таковой. Этот вопрос рассматривается в своих работах культуролог С. А. Кошарная. На основе теории архетипов К. Г. Юнга исследовательница анализирует мифологему воды как универсальную культурную константу, а используя работы В. Н. Топорова, обосновывает роль мифологемы моря как образа смерти в системе русских культурных архетипов [9, с. 19].

В большинстве мифологий вода ассоциируется с женским началом, а вследствие этого связывается с рождением и смертью как базовыми способами бытия. К. Г. Юнг объяснял универсальность архетипа воды пребыванием человека в материнской утробе и важностью акта рождения. Переход через водную преграду выступает как начало новой формы существования, как переход к рождению или к смерти. На этом представлении основана широко распространенная женская персонализация смерти. Как указывает исследователь религии и мифологии В. Н. Топоров, устойчивый мотив «морского» поэтического комплекса связан с дном моря как образом смерти. В системе архетипических образов дно символизирует глубокое ущелье, пропасть. Образ пропасти сближается с гибелью: пропасть значит погибнуть. Берег моря символизирует берег гибели или несостоявшегося рождения [10, с. 589].

Как указывает С. А. Кошарная, «корни реалионима море уходят в индоевропейский праязык. Основа *mor-/*mar- была широко распространена в древнеевропейских диалектах, ср.: арм. mawr – «болото», др.-исл. marr, др.-англ. mere – «море, озеро», слав. morje – «море», в ряде русских говоров (олонец, онежск.) море – «озеро», укр. диал. мороква – «болото». Таким образом, праязыковой аналог слова море обозначал не только собственно море, но и озеро, болотистое озеро, болото» [9, с. 20].

Исследовательница также рассматривает этимологическую связь лексемы море «с именем языческой богини смерти Моры (Мары), известной всем славянским народам (ср.: зап.-слав. Моряна – богиня смерти; полесск. Марушка – мифологический персонаж-устрашитель, которым пугали детей; севернорус. Мара – «мифологический персонаж-устрашитель, которым пугали девушек» и подоб.) и типологически во многом сходная с русалкой, Мокошью, – также традиционно женский персонаж. Став нарицательным, существительное Мора получило различные значения по славянским языкам: укр. мора – «нечистый дух», болг. мора – «ночной кошмар», с.-хорв. мора – «домовой, кошмар», польск. moga, moga – «кошмар» и moga, zmoga – «ходячий покойник» и т.п. В то же словообразовательное гнездо входит рус. умора (от уморить), белорус. моркі – в белорусских проклятиях эвфемистическое название болезни, специально насылаемой на человека» [Там же].

С. А. Кошарная делает следующий вывод, к которому мы присоединяемся: «корень *mor-, с одной стороны, соотносился с общим именованием водоемов, а с другой – актуализировал мифологему смерти как перехода через водную преграду. Исходя из данного положения, и.-е. корень *mor- может быть рассмотрен как синкрета: «вода»+«смерть». ... а лексема море могла обозначать смерть как локус

(ср. слово смерть (др.-рус. съмъртъ) с приставкой присоединения (съ-), отражающее в протозначении присоединение к области нахождения мертвых)» [Там же].

Таким образом, можно согласиться с В.Н. Топоровым, что «море связано с архетипом воды и символизирует царство смерти» [10, с. 581].

По представлениям многочисленных архаичных культур смерть является не столько концом жизни, сколько переходом в иную реальность. «Такой «иной реальностью» в русской мифологической картине мира и оказывается море. При этом концептуально «море» репрезентируется фреймами «край света, конец реального простора», «путь до неведомой, далекой, чужой земли». Понимание моря как пути имеет типологические параллели и в других языках и мифологиях» [9, с. 20]. Различные индоевропейские культуры – древнегреческая, древнеиндийская, архаическая римская – помещают море в семантический ряд пути, дороги, перехода, связывая образ моря с образом перехода в другой мир, в царство мертвых. С. А. Кошарная отмечает, что «в праславянском *dorga (> рус. дорога) также имело отличное от современного значение и означало «быстрина, узкий залив», то есть «путь по воде». Таким образом, реки воспринимались славянами как пути в иной мир, в то время как море – это уже собственно локус небытия, место нахождения персонифицированной смерти – Моры (Мары)» [9, с. 21].

Древняя индоевропейская основа продуцирует соответствующие образы и в более близкие к нам времена. Так, исследователь А.Т. Хроленко отмечают, что в записях русского фольклора море выступает как символ неизвестности и гибели. Фольклорное сочетание «синее море» содержит в себе семантическую компоненту «далеко». В связи с этим концептуальное противопоставление суши и моря сливается с противопоставлением близкого и далекого. Немаловажную роль играет ассоциация моря с существительным корабль, который выступает в качестве конкретно-образного символа дали как уплывающий далеко [11, с. 101 – 102].

Итак, образ моря в архаичной русской культуре интегрирует несколько связанных между собой мифологических компонентов: вода, переход в иное пространство, область нахождения мертвых. Эти мифологемы создают и транслируют концептуализацию моря как иного мира, мира смерти. Рассмотрим, как эти мифологемы реализованы в поэме «Немо».

Для конкретизации темы моря автор обращается к истории Луганска, которую переосмысляет в свете современных событий, начиная с 2014 года.

Луганск – город сравнительно молодой, он был построен в 1795 году возле Луганского военного завода, первого на юге Российской империи чугунолитейного завода, основанного царицей Екатериной II в ноябре 1795 года. Завод был построен с подачи командующего Черноморским флотом Российской империи вице-адмирала Николая Мордвинова, который настаивал на оснащении российского флота чугунными пушками-карронадами системы шотландского инженера Гаскойна, требующих качественного чугуна. Вскоре Луганский завод стал основным поставщиком снарядов для Черноморского флота России: бомб, гранат и ядер [12, с. 8]. Уже в XX веке Луганск был местом активных военных действий в Первую мировую войну, в период Гражданской войны и во время Великой Отечественной войны, когда город несколько месяцев находился под немецкой оккупацией и был освобожден в феврале 1943 года. Эти два столетия истории Луганска символически выражаются в образе военного города, города, который сущностно и по преимуществу связан с войной.

Документированной истории последних двух веков предшествует история Дикого Поля, как называли в течение столетий земли Донбасса до создания на этих землях промышленности. Дикое Поле находилось на границе России и степ-

ного мира, оседлой и кочевой жизни. Русские поселенцы, которые приходили на эти земли, должны были одновременно возделывать степную почву, неплодородную в отсутствии воды, и защищаться от набегов татар и турков, которые разрушали всё построенное и уводили жителей в плен. Центральный образ, символизирующий этот период луганской истории в поэме – бескрайняя степь.

От доисторических времен в луганских степях остались так называемые скифские бабы, которые являются памятниками материальной культуры тех бесписьменных кочевых степных народов, половцев и скифов, которые жили в будущих луганских степях. В геологической же древности Донецкий бассейн представлял собой дно моря Тетис. Этот этап древней истории Луганщины приводит к центральному образу моря, который в поэтике Елены Заславской связан также со скифами.

Основные мотивы истории Луганщины соединились в поэме, формируя главный ее топос – море. Луганск в поэме выступает как военный город в степи, и в то же время как город, затопленный водой, город на дне моря.

Война жителей Донбасса против украинских военных сил занимает центральное место в поэме. Тема войны реализована с помощью ряда образов, в которых архаическое фольклорное значение модифицируется реалиями современной войны:

*Над головой,
Будто черные вороны
Черные дроны летают,
Чертовы роботы,
Новые вестники,
Горя валькирии!
Что вы несете нам
На электронном носителе?
– Разве не видите?
Образы гибели!*

*...Из рога единорога
Хорошая выйдет пушка.
Ею можно на мушку
Любого
Киборга или Дрона.*

Значительное место в поэме занимают образы степи и моря, которые выступают как синонимы, проясняющие и усиливающие значение друг друга: Великое Море, Дикое Поле, Великая Степь. Ковыльные волны степи бегут как пенные волны великого моря. Ополченец в поэме выражает это следующим образом:

*Нет, говорит, нам покоя,
Исчезнем мы без следа
В пучине дикого моря,
Которое было всегда.
И тянется до горизонта,
Плодит кочевые сны.
И ходят ковыльные волны
Под ветром степным.*

Прошлое и настоящее военного города синтезируется также в образе кургана и скифской бабы. Согласно местному преданию, курганы в луганской степи

представляют собой могильники, в которых скифы хоронили своих покойников. Курган в поэме выступает как подводная лодка, лежащая на дне моря. Каменная скифская баба представляет собой памятник неведомой культуры, от которой не осталось слов, только каменные изображения в степи. Среди каменных баб луганской степи известна одна, которая держит ребенка. Эта фигура, найденная в 1971 году возле поселка Чернухино, получила название Чернухинской мадонны [12, с. 165 – 174]. В поэме образ каменной богородицы и подводной лодки кургана соединяют прошлое и настоящее, дно древнего моря и современное степное пространство военного времени:

*– Ты знаешь, куда она смотрит
Своими слепыми глазами?
Вдаль? За линию горизонта?
– Нет. Она наблюдают за нами!*

*Посмотри ей в лицо.
Знай, безмолвие только приманка.
Посмотри ей в лицо.
В нем ни жалости нет, ни обмана.
Посмотри ей в лицо.
Спит подводная лодка кургана –
Субмарина полная мертвецов.*

*И увидишь,
Как скифская баба,
Поля Дикого, Моря Великого
Богородица камнеликая
Выбирает себе жрецов.*

Такими жрецами современной войны показаны в поэме ополченцы:

*Я вглядываюсь в линию горизонта.
Рядом со мною жрец, позывной – Скиф.*

Позывной ополченца пришел из древней истории, но функционирует в настоящее время, соединяя актуальные для современных луганчан смыслы: Скиф – житель местной степи-моря, автохтонный обитатель этого пространства, образованного соединением двух миров, защищающий его от вторжения с неба и суши.

Таким образом, море в поэме предстает как стихия, соединяющая разные пространства. Это в первую очередь пространство живых и территория мертвых, однако роль моря в поэме к этому не сводится. Море соединяет также прошлое и будущее, выступая как память, содержащая в себе в латентном виде все смыслы русской культуры, оживающие в обстановке предельного экзистенциального выбора, который каждый человек и народ как таковой осуществляет во время исторического перелома, военных событий, погружающих степи в мир смерти. Кроме того, море в поэме выступает как стихия, связывающая влюбленных – Немо и Русалку. Хотя море в своей ипостаси мира смерти их разделяет, в то же время пре-

одоление смерти как морского простора должно привести влюбленных друг к другу:

*Я приду за тобой даже в чертов затерянный город.
И в тюрьму, и в дурдом, и в забытый людьми лепрозорий.
Знаешь, боль проступает на теле узором.
И любовь проступает на теле узором.
Лихорадкой, румянцем, блистательным взором.
Пусть же очи твои мне сияют, как два маяка среди ночи.
В многолюдном движении и в тишине одиночеств.
Я направлю к тебе свой корабль блуждающий, пьяный, разбитый,
Спотыкаясь о рифы, о рифмы, о ритмы
И по звездам сверяя свой курс в океане событий...*

Как стихия, соединяющая миры, море выступает еще в одной ипостаси – как море слов, море русского языка. Эта концептуализация моря начинает раскрываться с первых строк поэмы, где появляется рапсод Марсий, который должен рассказать историю героини, а наиболее полно раскрывается в теме имени.

В древнегреческой мифологии Марсий – соперник бога Аполлона. Победивший Аполлона в ристанье на флейтах, Марсий вызвал гнев бога и был убит – с Марсия содрали кожу. Как указывает Т. А. Касаткина, Аполлон как бог, оформляющий мир, в этом случае забрал своё – кожу, которая отделяет человека от мира, придавая ему строгую форму [13, с. 237]. К образу Марсия Елена Заславская обращалась в стихотворении «Марсий, вызови Феба» (2016) [14]. В этом стихотворении Марсий выступает прообразом поэта, который, оставшись без кожи, чувствует «красоту и уродство этого мира», а состязание с Фебом и жестокое наказание переосмысливаются как поэтическое вдохновение, посланное Фебом, дающее возможность человеку изобразить в слове наш человеческий мир. Рапсод Марсий снова появляется в поэме «Немо» с той же миссией выражения в поэтическом слове реалий военного времени, которую можно понимать как преодоление моря слов. Здесь море выступает как связывающая стихия, соединяющая разные сферы человеческого бытия – войну и поэзию.

Образ языка как моря слов раскрывается в теме имени. Несуществующее имя главного героя – Немо, Никто, вынесено в заголовок поэмы. Имя русалки – Елена – последнее слово поэмы. Эти два локуса поэтического пространства задают рамки структурирования образного наполнения поэмы. Именно между этими двумя полюсами разворачивается всё действие поэмы, включая уровень метафор:

*Имя всегда означает путь.
Имя всегда означает суть.
Как только по имени позовут
Из ниоткуда вызовут, призовут.
Потому я дам тебе позывной,
Чтоб имя не ведал – ни свой,
Ни чужой,
Чтобы был он тебе, как броня
Среди Поля Дикого,
Среди Моря Великого
И огня.*

Море в русской архаической культуре не так часто выступает как символ любви, но в то же время вода в традиционной русской и шире, славянской культуре – неперенный элемент свадебного обряда: умывание водой – символ бракосочетания у западных подолян [15]; посещение молодой водного источника на следующий день после свадьбы – важнейший этап инициационного испытания, пройдя которое молодая женщина принимается в семью мужа [16, с. 103]. Вода как стихия, порождающая жизнь, воплощается в женских образах, и имеет непосредственное отношение к сфере брака и любви.

В поэме влюбленные так и не встретились, стихия моря как стихия войны и смерти их разъединяет. В то же время сама поэма выступает как путь в море слов, который ведет к встрече. Имя как самое важное слово языка – залог этой встречи и преодоления пространства смерти:

*В сетях мобильных невелик улов.
И в море русских слов –
Вот звука пузырек,
А вот песчинка знака.
Я как жемчужину храню под языком
Родное имя – тайну...*

*Когда же, Немо,
Ты придешь на берег,
Что вынесет к твоим ногам прибой?
Жемчужину?
Ракушку-телефон?
Или мою поэму?
А может,
Ты мое имя, легкое как пена,
Услышишь в шуме волн....*

...Елена...

Итак, море слов, объединяющее влюбленных, а также мир войны и море поэзии – еще одна концептуализация мифологемы моря в поэме. Таким образом, в произведении современной луганской поэтессы море интегрирует несколько образов: море как смерть, море как историческая память, море как море любви и море как море слов.

Таким образом, на основе архаичной мифологемы моря как пространства смерти, потустороннего мира мертвых, Елена Заславская создает сложную структуру, включающую и современные компоненты, отражающие реалии идущей в Донбассе войны. Военные действия Украины против Донбасса, переживание этих событий местными жителями актуализирует древнее значение моря как моря смерти. В то же время море выступает как пространство перехода между миром прошлого и настоящего, как место встречи живых и мертвых, и таким образом концептуализируется как море памяти, объединяющее разные этапы истории Луганского края. Море в поэме выступает также как пространство перехода, одновременно соединяющее и разъединяющее двух влюбленных посредством слова. В этом аспекте доминирует соединяющая функция моря – море воплощается в образе моря любви и моря слова, моря русской поэзии, которая связывает не только

отдельных людей, но и разные сферы бытия: мир и войну, поэзию и битву, прошлое и будущее.

Рассмотренные культурные смыслы конкретизируются и художественно воплощаются в образе Луганска как затонувшего города. Хронотоп поэмы – военный Луганск 2014-го года – становится местом пересечения нескольких смысловых слоев. Луганск выступает как город, который накрыла волна войны и смерти. Луганск также является местом сохранения и пробуждения исторической памяти, которая в латентном виде включает несколько эпох: доисторическую древность геологического моря Тетис, культура степняков, которые сгнули, оставив после себя курганы – субмарины, полные мертвецов. Луганск в поэме реализует еще один смысл – это город, в котором ищут друг друга влюбленные, город, который разъединяет их, но как пространство поиска таит в себе возможность встречи, то есть объединения. Наконец, Луганск как топос входит в пространство русского языка. Это происходит как в самой поэме, так и на уровне гипертекстуальных связей, а именно: сама поэма «Немо» вводит Луганск в пространство русской поэзии, реализуя потенциал русской культурной памяти места в рамках постмодернистской работы с текстом.

Таким образом, в поэме «Немо» современной луганской поэтессы Елены Заславской воплощены разновременные смыслы русской культуры в образе Луганска. В произведении сконструирован сложный многослойный образ военного города в степи, который в то же время погружен на дно моря. Мифологема смерти как моря, и в то же время архаичная семантика моря как перехода между разными мирами позволяет интегрировать в хронотопе Луганска ряд смыслов, важных для человека русской культуры в ситуации экзистенциального кризиса, вызванного войной: тему исторической памяти, любви, роли русской поэзии в связывании времен и сохранении русской культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ:

1. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе (Очерки по исторической поэтике) // Эпос и роман. СПб. : Азбука, 2000. С. 11–193.
2. Заславская Е. А. Немо // Опыты пристального чтения: сборник стихотворений поэтессы Елены Заславской с литературно-критическими комментариями Владимира Карбаня. Луганск: Блиц-информ, 2020. С. 51–57.
3. Заславская Е. А. Биография [Электронный ресурс] // Елена Заславская. Поэзия. Проза. Дневник. URL: <http://zaslavskaja.com/biografiya> (дата обращения: 15.07.2020).
4. Горбунова Л. И. Еще раз о языковой категоризации водных объектов // Сибирский филологический журнал. 2017. № 1. С. 208 – 220.
5. Шестак Л. А. Пространства степи и моря. Базовая метафорика в языках разных типов // Лингвистика – какая она есть. Лингвистика – какая она будет: Межвуз. сб. науч. тр. Иваново, 2003. С. 208–218.
6. Сотникова С. С., Смахтина Н. Г. Лингвокультурные и индивидуально-авторские особенности репрезентации водных объектов в языковой картине мира // Ученые записки: Электронный науч. журн. Курск. гос. ун-та. 2014. № 4(32). С. 101–107.
7. Кольовска Е. Г. Море как единица природно-ландшафтного кода русской культуры // Вестн. Центра междунар. образования Моск. гос. ун-та. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. 2012. № 2. С. 69–74.

8. Потапова О. Е. Признаки типизации лексико-семантического поля «море» в русском языке // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. 2012. № 51. С. 132–136.
9. Кошарная С. А. «Море» в русской мифологической картине мира // Научн. ведомости БелГУ. Сер. Гуманитарные науки. 2008. № 15, вып. 2. С. 19–23.
10. Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического. М.: Изд. группа «Прогресс» – «Культура», 1995. 624 с.
11. Хроленко А.Т. Семантика фольклорного слова. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1992. 140 с.
12. Чернов А. А. Донбасский код: статьи и очерки. Луганск: Пресс-экспресс, 2019. 186 с.
13. Касаткина Т. А. Неизбежность филологии: проблема доступа к философии и богословию писателя (Аполлон и мышь в «Записках из подполья» Ф. М. Достоевского) // Русская литература и философия: пути взаимодействия / Отв. ред. и сост. Е. А. Тахо-Годи. М. : Водолей, 2018. С. 217 – 240.
14. Заславская Е. А. Марсий, вызовы Феба! // Опыты пристального чтения: сборник стихотворений поэтессы Елены Заславской с литературно-критическими комментариями Владимира Карбаня. Луганск: Блиц-информ, 2020. С. 7–8.
15. Смоляк О., Смоляк П., Довгань О. Образ воды в традиционных обрядах и песнях Западного Подолья // Tautosakos darbai (Folklore Studies). Вильнюс, 2019. Выпуск 58. С. 207–227.
16. Матлин М. Г. Структура и семантика обряда послесвадебного цикла – посещения молодой/молодыми водного источника // Научный диалог. 2013. № 6 (18) : История. Социология. Этнография. С. 88–110.

REFERENCES

1. Bahtin M. M. *Formy vremeni i hronotopa v romane (Oчерки po istoricheskoy poetike)* [Forms of Time and Chronotope in the Novel (Essays on Historical Poetics)]/ *Epos i Roman*. SPb. Azbuka. 2000, pp. 11–193. [ru].
2. Zaslavskaja E. A. *Nemo* // *Opyty pristal'nogo chtenija: sbornik stihotvorenij poetessy Eleny Zaslavskoj s literaturno-kriticheskimi kommentarijami Vladimira Karbanja* [Nemo. Essays of Intent Reading: a Collection of Poems by the Poetess Elena Zaslavskaya with Literary Critical Comments by Vladimir Karban]. Lugansk. Blic-inform. 2020, pp. 51–57. [ru].
3. Zaslavskaja E. A. *Biografija* // *Elena Zaslavskaja. Pojezija. Proza. Dnevnik*. [Biography. Elena Zaslavskaja. Poetry. Fiction. Diary] URL: <http://zaslavskaja.com/biografiya>. [ru].
4. Gorbunova L. I. *Eshhe raz o jazykovej kategorizacii vodnyh obektov* [Once Again About the Linguistic Categorization of Water Objects] // *Sibirskij filologicheskij zhurnal*. 2017, № 1, pp. 208 – 220. [ru].
5. Shestak L. A. *Prostranstva stepi i morja. Bazovaja metaforika v jazykah raznyh tipov* [Spaces of the Steppe and the Sea. Basic Metaphor in Languages of Different Types] // *Lingvistika – kakaja ona est'. Lingvistika – kakaja ona budet: Mezhvuz. sb. nauch. tr. Ivanovo*. 2003, pp. 208–218. [ru].
6. Sotnikova S. S., Smahtina N. G. *Lingvokul'turnye i individual'no-avtorskie osobennosti reprezentacii vodnyh obektov v jazykovej kartine mira* [Linguocultural and

- Individual-Author's Peculiarities of Representation of Water Objects in the Linguistic Picture of the World] // Uchenye zapiski: Jelektronnyj nauch. zhurn. Kursk. gos. un-ta. 2014. № 4(32), pp. 101–107. [ru].
7. Kol'ovska E. G. More kak edinica prirodno-landshaftnogo koda russkoj kul'tury [Sea as a Unit of the Natural Landscape Code of Russian Culture] // Vestn. Centra mezhdunar. obrazovanija Mosk. gos. un-ta. Filologija. Kul'turologija. Pedagogika. Metodika. 2012. № 2, pp. 69–74. [ru].
 8. Potapova O. E. Priznaki tipizacii leksiko-semanticheskogo polja «more» v russkom jazyke [Signs of Typification of the Lexical-Semantic Field "Sea" in the Russian Language] // Izv. Ros. gos. ped. un-ta im. A. I. Gercena. 2012. № 51, pp. 132–136. [ru].
 9. Kosharnaja S. A. «More» v russkoj mifologicheskoj kartine mira ["Sea" in the Russian Mythological Picture of the World] // Nauchn. vedomosti BelGU. Ser. Gumanitarnye nauki. 2008. № 15, vyp. 2, pp. 19–23. [ru].
 10. Toporov V.N. Mif. Ritual. Simvol. Obraz. Issledovanija v oblasti mifopojeticheskogo [Myth. Ritual. Symbol. Form. Research in the field of mythopoetic.]. M.: Izd. gruppa «Progress» – «Kul'tura». 1995, 624 p. [ru].
 11. Hrolenko A.T. Semantika fol'klornogo slova [Semantics of the Folklore Word]. Voronezh: Izd-vo Voronezh. un-ta. 1992, 140 p. [ru].
 12. Chernov A. A. Donbasskij kod: stat'i i ocherki [The Donbass Code: Articles and Essays]. Lugansk. Press-ekspress. 2019, 186 p. [ru]
 13. Kasatkina T. A. Neizbezhnost' filologii: problema dostupa k filosofii i bogosloviju pisatelja (Apollon i mysh' v «Zapiskah iz podpol'ja» F. M. Dostoevskogo) [The Inevitability of Philology: the Problem of Access to Philosophy and Theology of the Writer (Apollo and the Mouse in "Notes from the Underground" by F. M. Dostoevsky)] // Russkaja literatura i filosofija: puti vzaimodejstvija / Otv. red. i sost. E. A. Taho-Godi. M. : Vodolej, 2018, pp. 217 – 240. [ru].
 14. Zaslavskaja E. A. Marsij, vyzovi Feba! // Opyty pristol'nogo chtenija: sbornik stihotvorenij pojetessy Eleny Zaslavskoj s literaturno-kriticheskimi kommentarijami Vladimira Karbanja [Nemo. Essays of Intent Reading: a Collection of Poems by the Poetess Elena Zaslavskaya with Literary Critical Comments by Vladimir Karban]. Lugansk. Blic-inform. 2020, pp. 7–8. [ru].
 15. Smoljak O., Smoljak P., Dovgan' O. Obraz vody v tradicionnyh obrjadah i pesnjah Zapadnogo Podol'ja [The Image of Water in Traditional Rituals and Songs of Western Podillia] // Tautosakos darbai (Folklore Studies). Vil'njus, 2019. Vypusk 58, pp. 207–227. [ru].
 16. Matlin M. G. Struktura i semantika obrjada poslesvadebnogo cikla – poseshhenija molodoj/molodymi vodnogo istochnika [Structure and Semantics of the Post-Wedding Cycle Ritual – Visiting a Water Source by Young Woman / Young Pair] // Nauchnyj dialog. 2013. № 6 (18) : Istorija. Sociologija. Etnografija, pp. 88–110. [ru].

Информация об авторе: Ищенко Нина Сергеевна, доцент кафедры музыкального искусства эстрады, кандидат философских наук,
 ГОУК ЛНР «Луганская государственная академия культуры и искусств имени М. Матусовского», 91015. ЛНР, Луганск, Красная площадь, 7, тел.: (0642) 59-02-62, ilgaki@mail.ru,
 SPIN-код автора: 9573-5265, ORCID ID 0000-0001-8616-7087,
 e-mail: niofterna@gmail.com

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи

Information about the author: Ishchenko Nina Sergeevna, Assistant Professor of the Department of Musical Art of Estrade, PhD in Philosophy, Lugansk State Academy of Culture and Arts named after M. Matusovsky, 91015, LPR, Red Square St, 7, tel.: (0642) 59-02-62, ilgaki@mail.ru, SPIN ID 9573-5265, ORCID ID 0000-0001-8616-7087, e-mail: niofterna@gmail.com

The author has read and approved the final manuscript.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted: 21.09.2020

Одобрена после рецензирования и доработки / Approved after reviewing and revision: 12.10.2020

Принята к публикации / Accepted for publication 27.10.2020

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов./ The author declares no conflicts of interests

Научная статья

DOI: 10.17748/2686-8814-2020-2-5-46-56

УДК 908

Анна Андреевна Мельникова
Краснодарский государственный институт культуры
г. Краснодар, Россия.
kjhbr1@mail.ru

КУЛЬТУРНО-ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ МУЗЕЕВ КУБАНИ

Аннотация: В данной статье автор рассматривает музейную деятельность, ее потенциал и проблему формирования туристского сегмента. Сегодня на музеях лежит особая ответственность, так как они являются хранителями историко-культурных ценностей и средством их трансляции между поколениями и представителями других культур. Музей является социально-культурным феноменом, который соединяет традиции и инновации, не давая современному обществу отойти от ядра культуры. Актуальность данной работы не вызывает сомнения, так как Краснодарский край является местом притяжения миллионов людей, посещающих ежегодно южный регион в туристических, рекреационных и лечебных целях.

Несмотря на то, что туризм как таковой исторически появляется именно с культурного туризма, культурологический подход к изучению данной сферы только начинает использоваться. Так, вопросы изучения культурного туризма отражены в работах Л.П. Воронковой, Т.Г. Богатыревой, А.А. Анохина, Г.П. Долженко и др.

Целью данной работы является выявление культурно-познавательного потенциала музеев Краснодарского края и тенденции его развития.

В качестве методологии исследования избран структурно-функциональный подход, позволяющий рассматривать культуру в качестве системного явления, внутри которого существуют множество взаимозависимых функциональных элементов, поддающихся воздействию людей.

Метод синтеза и анализа был применен в процессе исследования сущности и видов туристической деятельности.

Ключевые слова: музеи, культура, тенденции, Кубань, Краснодарский край.

Для цитирования: Мельникова А. А. Культурно-познавательный потенциал музеев Кубани. Культурный ландшафт регионов 2020. Том. 2. № 5. с.46-56.

DOI: 10.17748/2686-8814-2020-2-5-46-56

Original article

Anna A. MELNIKOVA

Krasnodar state Institute of culture
Krasnodar. Russia
kjhbr1@mail.ru.

CULTURAL AND EDUCATIONAL POTENTIAL OF MUSEUMS OF THE KUBAN

Abstract: In this article, the author examines the Museum activity, its potential and the problem of forming the tourist segment. Today, museums have a special responsibility, as they are the custodians of historical and cultural values and a means of transmitting them between generations and representatives of other cultures. The Museum is a socio-cultural phenomenon that combines tradition and innovation, not allowing modern society to move away from the core of culture the Relevance of this work is not in doubt, since the Krasnodar territory is a place of attraction for millions of people who visit the southern region annually for tourist, recreational and medical purposes.

Despite the fact that tourism as such has historically appeared with cultural tourism, the cultural approach to the study of this area is only beginning to be used. Thus, the issues of studying cultural tourism are reflected in the works of L. p. Voronkova, T. G. Bogatyreva, A. A. Anokhin, G. p. Dolzhenko and others.

The purpose of this work is to identify the cultural and educational potential of museums in the Krasnodar region and trends in its development.

The research methodology is based on a structural and functional approach that allows us to consider culture as a systemic phenomenon, within which there are many interdependent functional elements that can be influenced by people.

The method of synthesis and analysis was used in the study of the nature and types of tourism activities.

Keywords: museums, culture, trends, Kuban, Krasnodar territory.

For citation: Melnikova A.A. Cultural and educational potential of museums of the Kuban. *Cultural landscape of the regions*. 2020. Vol. 2. no. 5. PP. 46-56.

DOI: 10.17748/2686-8814-2020-2-5-46-56 (In Russ.)

Современные мировые социально-культурные тенденции ставят в уязвимое положение общечеловеческие ценности, а также способствуют не только размыванию культурной идентичности, но и потери преемственности поколений и культур.

В связи с этим актуальным является обращение к уже существующим инструментам сохранения культурно-исторического наследия и репрезентации особенностей народов или этносов. Музей, являясь древнейшей формой преобразования и трансляции духовных и материальных ценностей, обладает огромным потенциалом в развитии и сохранении культуры [7].

Создание уникальных музейных экспозиций на основе артефактов прошлого и настоящего представляет посетителям панораму человеческой жизни и способствует развитию их ценностных ориентиров и вкуса прекрасного.

Культурное образование различных групп населения является важной задачей не только государства, но и регионов, потому как России является многонациональной, полиэтнической и поликультурной страной, каждая территория имеет свою историю и свои культурные особенности, создающие основы самодентичности человека [1, с. 120].

С этой точки зрения региональные музеи обладают большими возможностями в повышении культурно-образовательного уровня населения и духовном развитии общества.

Кубань испокон веков была территорией пересечения разнообразных культур, что обусловлено её геополитическим расположением. В разные исторические периоды берег Черного моря привлекал представителей различных народов, которые оставили после себя богатое культурное наследие.

Многовековое историческое прошлое Кубани послужило главной причиной разнообразия её культурных достопримечательностей, хранителями которых стали музеи. Потенциал музейной деятельности Краснодарского края весьма обширный, так как на этой территории существует множество музеев различных видов и направлений. В крае насчитывается 60 музейных организаций, среди которых 8 музеев принадлежат государственному и 52 муниципальным управлениям [5, с. 330-333].

Из самых посещаемых можно выделить такие музеи как:

Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник им. Е.Д. Фелицына (рис. 1);

Рис. 1

Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник им. Е.Д. Фелицына

Krasnodar State Historical and Archaeological Museum-Reserve. E. D. Felitsyna (<https://okokubani.ru/muzej-felitsyna-krasnodar/>)

Краснодарский краевой художественный музей имени Ф.А. Коваленко (рис. 2);

Рис. 2

Краснодарский краевой художественный музей имени Ф.А. Коваленко
Krasnodar Regional Art Museum named after F.A. Kovalenko
(<https://nataliac.tourister.ru/photoalbum/12755>)

Таманский музейный комплекс (рис 3);

Рис. 3

Геленджикский историко-краеведческий музей
Gelendzhik Museum of History and Local Lore
(<https://www.tourister.ru/world/europe/russia/city/gelendzhik/museum/23170>)

Дом-музей «Дача Сталина» (рис. 4).

Рис. 4

Дом-музей «Дача Сталина» в Сочи
House-Museum "Stalin's Dacha" in Sochi

(<https://veronikaa.ru/puteshestvija/dostoprimechatelnosti-i-razvlechenija-sochi/amp>)

Музеи выступают в качестве путеводителей, иллюстрируя исторические и культурные особенности определенной эпохи и территории. Главной задачей для музеев является представление информации в виде коллекций и экспонатов таким образом, чтобы способствовать культурному развитию посетителей, расширяя их кругозор, формируя мнение о людях и эпохах [6, с. 113].

Стоит отметить, что музейная деятельность на Кубани не сосредотачивается лишь в рамках определенной организации. Проводятся мероприятия, ориентированные не только на молодое поколение, но и на зрелое. Популяризации и продвижению музеев способствует проведение выставок современного искусства, организации ночи в музее, библионочи, а также других культурных программ [4, с. 146-148].

Отчеты об предпринимаемых действиях в разработке и реализации культурно-образовательных программ позволяют сделать вывод, что за год более 2 миллионов человек являются посетителями региональных музеев. Так, например, как отмечается на портале исполнительных органов государственной власти Краснодарского края, в 2019 году в ежегодной акции «Ночь музеев» участвовали более 60 местных музеев и свыше 283 тысяч посетителей.

Музейные организации являются эффективными инструментами развития туристической деятельности по раскрытию рекреационного и культурно-образовательного потенциала Кубани [2, с. 255].

Обращаясь к трудам И. А. Романовой, В.В. Анисимовой, М.Л. Некрасовой, исходя из результатов исследований туристического потенциала музейной деятельности на основе анализа 104 туристических организаций, необходимо отметить, что на сегодняшний день культурно-познавательные возможности музеев не раскрыты в полной мере. Исследователями было выяснено, что музейные туры почти не предлагаются туристам, многими туроператорами и турагентствами игнорируются экскурсии в музеях. Эти данные говорят о том, что перед современными музеями и туристскими организациями стоит задача совместной разработ-

ки и апробации музейных туров, которые обладают большими возможностями привлечения туристов [9, с. 131].

Серьезным туристским потенциалом обладают музеи и музейные комплексы в таких кубанских городах, как Геленджик, Краснодар, Сочи, Темрюк, Новороссийск, Анапа, Крымск, Туапсе.

Исследователями также были выделены следующие препятствия в развитии музейной деятельности в синергии с туризмом:

1. Недостаточная информированность потенциальных пользователей музейных и туристических услуг.
2. Игнорирование музеями запроса рынка в создании турпродукта.
3. Скудность креативной составляющей в создании музейного продукта, проигрывающего из-за этого в конкуренции с другими формами культурно-познавательных мероприятий.
4. Низкий интерес посещения музеев у потребителей.
5. Большинство музеев в крае имеют устаревшую техническую базу, а отсутствие инновационного технического оборудования лишает части потребителей, которые могли бы быть заинтересованы в информации, предоставляемой музеями.
6. Низкая доступность музеев в регионе обуславливается плохо развитой инфраструктурой.
7. Отсутствие просветительской работы в музейной деятельности Кубани в образовательных и научных организациях.

Однако, несмотря на перечисленные проблемы, музейный туризм обладает большими культурно-познавательными возможностями, которые могут использоваться в достаточной мере, если принять ряд действий.

1. Необходимо развивать коммуникативную составляющую деятельности музеев, через обсуждение турпродукта с представителями туристического бизнеса и изучения реального спроса на музейные экспозиции и экскурсии.
2. Преимущественное положение музеев среди конкурентов в сфере туризма может дать развитие креативности, создающей уникальное предложение для посетителей, с помощью обращения к креативным и бизнес агентствам.
3. Профессиональная подготовка музееведческих кадров способна устранить коммуникативную деформацию, возникающую из-за некомпетентности сотрудников музеев. Необходимы специалисты, владеющие не только музееведческими теоретическими знаниями, но и развитые в других областях знаний [3].

Необходимость решения проблем региональной музейной деятельности обусловлена большой значимостью музеев в сфере туризма, который способствует не только развитию культуры и образованности населения края, но и создает привлекательность для посещения туристов из разных районов страны. С этой точки зрения принятие мер по формированию актуальной сети музеев особенно важно, так как Краснодарский край является местом притяжения миллионов людей, посещающих ежегодно южный регион в туристических, рекреационных и лечебных целях.

Познавательный туризм, постепенно приобретающий особую популярность среди жителей края и гостей, может включать в себя и музейный туризм. Такой вид туризма способствует эффективному получению информации в крат-

кой и иллюстрированной экспонатами форме, знакомство с которыми неизбежно вызывает появление новых эмоций, впечатлений [5].

Обладая высоким культурно-познавательным потенциалом, музеи выступают в роли объектов туризма, при грамотном сотрудничестве с которым они могут стать одним из главных инструментов по развитию культурного уровня края. Раскрыть в полной мере возможности музея можно благодаря организации концептуальных выставок и экспозиций, размещению рекламных плакатов, использованию средств маркетинга, ребрендинг [10].

Кубань издавна привлекала путешественников с различных регионов многогранностью и разнообразием природных мест. Привлекательность края способствовала своеобразному наслоению исторических эпох и локальных культур на его территории, которые оставили яркий след на всей культуре региона. Традиционно территории Краснодарского края были своеобразным культурным котлом, собравшим в себе различные национальные и этнические особенности тех многочисленных народов, которые в разные периоды или одновременно занимали его. Историко-культурное наследие Кубани состоит из античных, эллинистических раннехристианских, средневековых и памятников нового времени.

Перспектива развития национальных традиций края и имеющийся огромный пласт культурного наследия в совокупности являются важным дополнением в создании привлекательности региона для туристов. Эти факторы особенно актуальны для культурно-познавательного туризма [4, с. 149-150].

Сегодня Кубань является туристическим регионом, в котором ведущее место отводится рекреационному виду туризма. Полное раскрытие его перспектив возможно лишь с развитием других видов туристической деятельности. Следовательно, тенденции роста культурно-познавательного туризма необходимо рассматривать в контексте общей динамики туристической отрасли. Для современных российских граждан заграничный туризм обретает все больше ограничений из-за социально-экономических последствий общемировых процессов, поэтому все большей популярностью пользуются отечественные курорты, одним из которых в России является Краснодарский край. Несмотря на снижение доходов населения страны, вызванных пандемией, туристический рынок в России развивается. Кубань и её морское побережье особенно привлекательны для туристов, потому как территории региона наиболее приспособлены для осуществления туристической деятельности.

В рамках культурно-познавательного туризма перспективными являются туры историко-патриотического, экологического, литературного, археологического, познавательно-развлекательного, этнографического характера. Использование уникальных археологических, исторических объектов, архитектурных памятников края будет способствовать развитию экономической, социальной, гуманитарной и хозяйственной сфер [2].

Тенденции развития культурно-познавательного туризма на Кубани определяются его главными отличительными особенностями, которые дают ему преимущества перед другими видами туристической деятельности:

1. Интеграция территориальных единиц делает возможным объединить не только округа и районы края, но и всю страну в целом, так как в Краснодарский край съезжаются люди со всей страны;

2. Создаются новые рабочие места, что повышает уровень жизни населения, а значит, дает возможность повышать культурный уровень;

3. Повышается привлекательность территории края не только для путешественников, но и для инвесторов, которые способствуют улучшению инфраструктуры и самой туристической отрасли;

4. Культурный потенциал региона используется наиболее эффективно и полно, так как именно на нем основывается культурно-познавательный туризм;

5. Формируется чувство патриотизма, потому что культурно-познавательный туризм показывает значимость национальной культуры;

6. Коммуникативная простота делает возможным более быстрое развитие отрасли, так как он приветствуется чиновниками и представителями бизнеса;

7. Активизируется местный творческий потенциал;

8. Происходит привлечению специалистов из различных сфер деятельности, как гуманитарной, так и технической.

Перечисленные преимущества показывают важность технологий культурно-познавательного туризма для запуска процессов регионального развития [6, с. 115].

К основным особенностям, определяющим будущее туризма, следует отнести общие и отраслевые факторы, такие как конкуренция, информационные технологии, авиаперевозки, туроператорские услуги, а также политические и социальные условия развития и, несомненно, развитие PR в этой интересной и прибыльной сфере [3].

Уровень культурного развития может быть использован также для создания имиджа конкретного региона на туристском рынке. Элементы и факторы культуры могут являться каналами распределения информации о туристских возможностях региона. Успех развития туризма зависит не только от материально-технической базы, соответствующей общепринятым стандартам и требованиям, но и от уникальности национального культурного наследия.

Продвижение музея, как туристической достопримечательности региона в Интернете – это привлечение как можно большего числа поклонников, тех, кто, познакомившись с музеем виртуально, захочет приехать на экскурсию. Но, что немаловажно, присутствие музея в сети позволяет людям с ограниченными возможностями увидеть выставки, не выходя из дому, прочитать тексты статей, не присутствуя на научных конференциях, познакомиться с фотоотчетами о значимых событиях, просмотреть видеоролики и быть в курсе культурной жизни [11].

Резюмируя вышесказанное, можно сделать вывод, что Краснодарский край является уникальным местом не только с точки зрения природно-климатических зон, но и с позиции культурно-исторического наследия. Культура народов, живших на территории Кубани, выступает одним из ярчайших феноменов России.

Однако, стоит отметить, что и сегодня Краснодарский край – это перспективное место для развития культуры. Все больше людей привлекает Кубань как место посещения во время отдыха и досуга, поэтому туристическая отрасль достаточно развита.

Несмотря на то, что первую позицию по популярности у посетителей края занимает рекреационный туризм, культурно-познавательное направление имеет большие перспективы. Так, сегодня функционируют различные культурные комплексы, проводятся этнографические экскурсии. В Краснодарском крае есть несколько комплексных центров, которые расположены на открытом пространстве, а их деятельность основана на культурно-просветительской и научной базе, например, Культурно-этнографический центр «Моя Россия», расположенный в

поселке Эсто-Садок в Сочинском районе [8]. Другим примером является этнографический комплекс «Нарт», находящийся в Туапсинском районе в ауле Агуй-Шапсуг. Важное место занимает музейная деятельность края, которая эффективна в туристической сфере, так как технологии этих двух отраслей перекликаются во множестве аспектов.

На сегодняшний день наблюдается тенденция развития культурно-познавательного туризма в Краснодарском крае. Степень успешности его развития зависит от уникальности национального культурного наследия, технической базы, уровня информационных технологий, авиаперевозок, туроператорских услуг, политических и социальных условий, развитие PR технологий. Наблюдается тенденция информатизации и виртуализации туристической деятельности, что способствует активизации культурной жизни населения. Туризм становится все более интерактивным.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Акоева Н.Б., Орфаниди Н.И. Музеи как хранители и трансляторы культурного наследия // Культурная жизнь Юга России. 2019. № 2.
2. Белицкая О.В. К вопросу о становлении туризма на Кубани [Электронный ресурс] // Экономика. Право. Печать. Вестник КСЭИ. 2014. № 3-4. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22604628> (дата обращения 01.09.2020)
3. Гуляев В.Г. Организация туристской деятельности. М.: Нолидж, 1996. 312 с.
4. Егорова Е.Н., Радченко Р.А. Особенности развития экскурсионно-образовательного туризма в Краснодарском крае [Электронный ресурс] // Проблемы современного педагогического образования. 2018. № 60, ч. 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-razvitiya-ekskursionno-obrazovatelno-turizma-v-krasnodarskom-krae> (дата обращения 01.09.2020)
5. Занина, Е. О. Культурно-просветительская деятельность музеев: формы осуществления и перспективы / Е. О. Занина // Молодой ученый. — 2017. — № 46. — URL: <https://moluch.ru/archive/180/46488/>(дата обращения 01.09.2020)
6. Иванов К.В. Культурный туризм как перспективное направление развития рынка туристских услуг Краснодарского края [Электронный ресурс] // Инновации. Менеджмент. Маркетинг. Туризм. Сочи. 2013. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21394611> (дата обращения 01.09.2020)
7. Калоева З.Ю., Залеева А.И. Проблемы совершенствования экскурсионных маршрутов [Электронный ресурс] // Лучшая научно-исследовательская работа 2017 сборник статей IX Международного научно-практического конкурса. 2017. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29374235> (дата обращения 01.09.2020)
8. Культурно-этнографический центр «Моя Россия». URL: <https://rosakhutor.com/entertainment/kulturno-etnograficheskiy-tsentr-moya-rossiya> (дата обращения 04.09.2020)
9. Романова И. А., Анисимова В. В., Некрасова М. Л. Возможности повышения конкурентоспособности туристской отрасли Краснодарского края [Электронный ресурс] // Учёные записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. География. Геология. 2016. Том 2. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozmozhnosti-povysheniya-konkurentosposobnosti-turistskoy-otrasli-krasnodarskogo-kraja/viewer> (дата обращения 02.09.2020)

10. Селиванов И.Л. Субъективный взгляд на музей из виртуальной реальности. Музей и новые технологии. М., 2015.
11. Новые тенденции в деле музейного экспонирования URL: <https://e-history.kz/ru/historical-education/show/12894> (дата обращения 01.09.2020)

REFERENCES

1. Akoeva N.B., Orfanidi N.I. Muzei kak hraniteli i translyatory kul'turnogo naslediya [Museums as custodians and translators of cultural heritage]. Kul'turnaya zhizn' YUga Rossii. 2019. № 2.
2. Belickaya O.V. K voprosu o stanovlenii turizma na Kubani [On the question of the formation of tourism in the Kuban]. (Internet). Ekonomika. Pravo. Pechat'. Vestnik KSEI. 2014. № 3-4. (accessed:01.09.2020)
3. Gulyaev V.G. Organizatsiya turistskoi deyatel'nosti [Organization of tourist activities]. М.: Nolidzh, 1996. 312 p.
4. Egorova E.N., Radchenko R.A. Osobennosti razvitiya eksursionno-obrazovatel'nogo turizma v Krasnodarskom krae [Features of the development of excursion and educational tourism in the Krasnodar Territory] (Internet). Problemi sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya. 2018. No. 60-4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-razvitiya-ekskursionno-obrazovatel'nogo-turizma-v-krasnodarskom-krae/> (accessed:01.09.2020)
5. Zanina E.O. Kulturno-prosvetitel'skaya deyatel'nost muzeev: formi osushestvleniya i perspektivi [Cultural and educational activities of museums: forms of implementation and prospects]. E.O. Zanina. Molodoi ucheniy. 2017. No. 46 (180). URL: <https://moluch.ru/archive/180/46488/> (accessed:01.09.2020)
6. Ivanov K.V. Kulturniy turizm kak perspektivnoe napravlenie razvitiya rinka turistskikh uslug Krasnodarskogo kraya [Cultural tourism as a promising direction of development of the market of tourist services in Krasnodar region] (Internet). Innovatsii. Managment. Marketing. Turizm. Sochi, 2013. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21494611/> (accessed:01.09.2020)
7. Kaloeva Z.Y., Zaleeva A.I. Problemi sovershenstvovaniya eksursionnih marshrutov [Problems of improving excursion routes] (Internet). Luchshaya nauchno-issledovatel'skaya rabota 2017 sbornik statei IX Mezhdunarodnogo nauchno-prakticheskogo konkursa. 2017. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29374235/> (accessed:01.09.2020)
8. Kulturno-etnograficheskiiy centr «Moya Rossiya» [Cultural and Ethnographic Center "My Russia"]. URL: <https://rosakhutor.com/entertainment/kulturno-etnograficheskiiy-tsentr-moya-rossiya/> (accessed:04.09.2020)
9. Romanova I. A., Anisimova V. V., Nekrasova M. L. Vozmozhnosti povsheniya konkurentnosposobnosti turistskoi otrasli Krasnodarskogo kraya [Opportunities to increase the competitiveness of the tourist industry of the Krasnodar territory] (Internet). Uchenie zapiski Krim'skogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernand'skogo. Geografiya. Geologiya. Tom 2 (68). no. 3. 2016. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozmozhnosti-povysheniya-konkurentnosposobnosti-turistskoy-otrasli-krasnodarskogo-kraya/viewer> (accessed:02.09.2020)
10. Selivanov I.L. Subyektivniy vzglyad na muzei iz virtualnoi realnosti. Muzei i novie tehnologii [A subjective view of the museum from reality. Museum and new technologies]. М. 2015. p. 63

11. Новие tendencii v dele muzeinogo eksponirovaniya [New trends in museum exhibiting]. URL: <https://e-history.kz/ru/historical-education/show/12894/> (accessed:01.09.2020)

Информация об авторе: Мельникова Анна Андреевна, студентка 4 курса факультета дизайна, изобразительных искусств и гуманитарного образования, Краснодарский государственный институт культуры (г. Краснодар, ул. 40-летия Победы, 33),
г. Краснодар, Россия.
kjhbr1@mail.ru
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи

Information about the author: Melnikova Anna Andreevna, 4th year student of the faculty of design, fine arts and Humanities Krasnodar state Institute of culture (Krasnodar, 40 years of the Victory St., 33),
kjhbr1@mail.ru.
The author has read and approved the final manuscript

Статья поступила в редакцию / The article was submitted: 21.09.2020
Одобрена после рецензирования и доработки / Approved after reviewing and revision: 15.10.2020
Принята к публикации / Accepted for publication 27.10.2020

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов./The author declares no conflicts of interests

Научная статья

DOI: 10.17748/2686-8814-2020-2-5-57-75

УДК 94/ 355.48(47:55)

Виктор Владимирович Митрофанов

Университет при Межпарламентской Ассамблее ЕврАзЭС

Санкт-Петербург, Россия

ORCID iD: 0000-0003-2094-6883

e-mail: viktor-n1962@mail.ru

**СОТРУДНИЧЕСТВО А.А. БОБРИНСКОГО С С.Ф. ПЛАТОНОВЫМ В РАМКАХ
РУССКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РУССКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА**

Аннотация. Более трех десятков лет были знакомы и активно сотрудничали в рамках авторитетных научно-археологических обществ России видный деятель культуры и науки, археолог, сделавший более 500 раскопок, представитель известного графского рода (неординарное было происхождение его родоначальника) А. А. Бобринский и будущий академик, выдающийся организатор системы образования и просветитель российской провинции С.Ф. Платонов, стоявший у истоков институализации археологии, как науки о древностях.

А. А. Бобринский почти десять лет возглавлял Отделение русской и славянской археологии Русского археологического общества, а С.Ф. Платонов стал его преемником на посту управляющего и руководил им более 23 лет. Сам же граф сосредоточился на деятельности в Императорской археологической комиссии, деятельность которой стала более плодотворной.

Публикуемые письма являются составной частью уже введенных в научный оборот ответов С.Ф. Платонова, которые в сумме составляют один замечательный источник. Они позволяют уточнить неизвестные сведения о подготовке выступлений А.А. Бобринского с сообщениями и докладами в Русском отделении, выполнении С.Ф. Платоновым просьб председателя ИАК по научно-археологическим вопросам, конкретизировать и дополнить уже известные сведения об их взаимоотношениях и направлениях в развитии отечественной археологии.

Ключевые слова: А.А. Бобринский, С.Ф. Платонов, Отделение русской и славянской археологии, Императорская археологическая комиссия, переписка, архивные материалы.

Для цитирования: Митрофанов В.В. Сотрудничество А.А. Бобринского с С.Ф. Платоновым в рамках Русского отделения Русского археологического общества. *Культурный ландшафт регионов* 2020. Том. 2. № 5. с.57-75.

DOI: 10.17748/2686-8814-2020-2-5-57-75

Original article

Viktor V. Mitrofanov

University at the Inter-Parliamentary Assembly of the EurAsEC.

Saint Peetersburg, Russian Federation

ORCID iD: 0000-0003-2094-6883

e-mail: viktor-n1962@mail.ru

COLLABORATION A.A. BOBRINSKY WITH S.F. PLATONOV IN THE FRAMEWORK OF THE RUSSIAN BRANCH OF THE RUSSIAN ARCHAEOLOGICAL SOCIETY

Abstract: For more than three decades, a prominent cultural and scientific figure, archaeologist who has done more than 500 excavations, a representative of the well-known earl (associated with his extraordinary origin) A. A. Bobrinsky, and a prominent academician, have been familiar and actively collaborated within the framework of authoritative scientific and archaeological societies of Russia educational system organizer and enlightener of the Russian province S.F. Platonov, who stood at the origins of the institutionalization of archeology as a science of antiquities.

A. A. Bobrinsky headed the Department of Russian and Slavic Archeology of the Russian Archaeological Society for almost ten years, and S.F. Platonov became his successor as manager and led him for over 23 years. The Count himself focused on activities in the Imperial Archaeological Commission, whose activities became more fruitful.

Letters published are an integral part of S.F. Platonov, which in total make up one wonderful source. It allows you to extract unknown information about the preparation of the performances of A.A. Bobrinsky with messages and reports in the Russian branch, performed by S.F. Platonov's requests of the chairman of the IAK on scientific and archaeological issues, to specify and supplement the already known information about their relationships and directions of development of archeology in Russia.

Keywords: A.A. Bobrinsky, S.F. Platonov, Department of Russian and Slavic Archeology, Imperial Archaeological Commission, correspondence, archival materials

For citation: Mitrofanov V.V. Collaboration A.A. Bobrinsky with S.F. Platonov in the framework of the Russian branch of the Russian Archaeological Society. Cultural landscape of the regions. 2020. Vol. 2. no. 5. PP. 57-75.

DOI: 10.17748/2686-8814-2020-2-5-57-75 (In Russ.)

Обзор литературы. Исследователи в последнее время активно обращаются к судьбе видного деятеля культуры, археолога А.А. Бобринского - представителя известного графского рода российской империи [1; 2]. В основном, их внимание привлекает его деятельность в рамках археологических обществ. Он возглавлял Отделение русской и славянской археологии Русского археологического общества (далее Русское отделение) в 1885-1894 гг., императорскую археологическую комиссию (далее - ИАК/АК) в 1886-1917 гг. [3; 4]. В.Г. Дружинин в своих воспоминаниях указывает на 1889 г. [5, с.138].

Назначение А.А. Бобринского председателем ИАК активно обсуждалось в заинтересованных кругах, например, В. Г. Тизенгаузен - известный историк-

востоковед, нумизмат, археолог – в апреле 1886 г. писал Д. Я. Самоквасову – авторитетному профессору, историку и археологу: «С новым председателем Комиссии, по-видимому, дела ее будут поведены несколько энергичнее, чем при его предшественнике» [65, с. 362].

К моменту избрания председателем ИАК граф в научных кругах был известен как автор работ по доисторической, классической и русской археологии, готовил к изданию книгу о собственных раскопках [6]. Будущий секретарь ИАК В.Г. Дружинин характеризовал его, как «археолога-любителя» [5, с. 138], чем, как представляется, недооценивается его изыскательная, археологическая и собирательская деятельность.

При новом председателе работа комиссии серьезно изменилась. Прежде всего, увеличилось количество ежегодных раскопок и их география. По свидетельству С.А. Жебелева, будущего академика, «с 80-ых годов, когда во главе комиссии стал А.А. Бобринский, комиссия постепенно стала производить раскопки и археологические разыскания почти по всей европейской, а отчасти и азиатской России» [8]. И.А. Сорокина отметила «личное участие А.А. Бобринского в полевых исследованиях», которые «дали замечательные результаты и обеспечившие ввод в научный оборот ряда известных памятников». Исследовательница пришла к важному для характеристики деятельности А.А. Бобринского выводу: «именно при последнем председателе деятельность комиссии приобрела государственный размах» [9, с.14,19].

Н.С. Николаева особо подчеркнула, что «Археологические раскопки и изыскания на территории европейской и азиатской России АК стала проводить только с 1880-х гг., когда ее председателем был назначен историк и археолог граф А. А. Бобринский» [10, с. 266].

И.Л. Тихонов указал, что «в годы председательства А.А. Бобринского заметно активизировалась издательская деятельность комиссии: возобновилась регулярная публикация «Отчета», с 1888 по 1916 г. увидели свет 35 из всех 37 выпусков серии «Материалы по археологии России». Широкою известность получили «Известия императорской Археологической комиссии» (основаны по инициативе академика В. В. Латышева), издававшиеся в 1901-1918 гг. и ставшие в оценке И.Л. Тихонова «подлинно научным журналом» [11, с. 14].

Действительно, председательствование А.А. Бобринского в ИАК позже вошло в историографию под названием «эпохи Бобринского» [12, с. 69, 79, 85, 97, 99 и др.].

Отмечая заслуги графа по руководству ИАК, коллеги подготовили специальный сборник [13].

Возглавляя более четверти века ИАК, А.А. Бобринский многое сделал для активизации её работы, превратил учреждение в авторитетное научное общество, членство в котором было почётным. При нём комиссия получила право выдавать «открытые листы» - «право производства и разрешения раскопок...» [14, с. 276].

Следовательно, многие современные исследователи с именем А.А. Бобринского связывают «заметный подъем» деятельности ИАК.

Можно говорить о том, что А. А. Бобринский оказался не только достойным преемником своих предшественников С.Г. Строганова и А.А. Васильчикова, но и поднял деятельность комиссии на новые рубежи, следовательно, превзошёл их.

Были и непростые времена, например, в 1891 г. из комиссии ушли Н.П. Кондаков и И.И. Толстой, причиной послужили личные отношения с председателем. На их место пришли В.Г. Дружинин и А.А. Спицын. Последний раскрыл всю полноту своего таланта именно во время работы в ИАК.

Ситуация изменилась с глобальными переменами в России в 1917 г. Известный знаток истории археологии А.С. Смирнов коснулся попыток сотрудничества графа с новой властью, которые закончились его эмиграцией. При этом автор замечает, что в историографии утвердилось ошибочное мнение, которое заключается в следующем: «что А. А. Бобринский в период с февраля 1917 г. до лета 1918 г. самоустранился от дел Археологической комиссии, предоставил свое детище на волю случая, занявшись решением личных проблем» [15, с. 300]. Такое мнение высказывала, например, Н.И. Платонова, когда писала, что председатель комиссии А.А. Бобринский «полностью от этого (реорганизации комиссии-В.М.) устранился» [16, с. 8]. С опорой на архивные документы А.С. Смирнов приходит к совершенно противоположным выводам: «События 1917-1918 гг. кардинально изменили жизнь председателя Археологической комиссии графа Алексея Александровича Бобринского. Отчаянно борясь с трудностями повседневной жизни в революционном Петрограде, А. А. Бобринский пытался найти общий язык с новой властью, предлагал себя в качестве одного из реформаторов и не оставлял своей заботой учреждения, с которым и был связан во времена империи, в первую очередь Археологическую комиссию, которую он всячески стремился сохранить. Граф прилагал усилия к улучшению условий жизни и работы ее сотрудников, пытался осуществить реорганизацию этого учреждения» [15, с. 308].

Как видим, в историографии по-разному решаются принципиальные вопросы, связанные с деятельностью А.А. Бобринского в последние месяцы его жизни в России.

Следовательно, нужны дополнительные источники и материалы, которые активно вовлекаются в научный оборот, в том числе и личного происхождения: воспоминания [17], большой эпистолярный пласт. Они содержат исключительной важности сведения о развитии археологии, межличностных коммуникациях [18; 19].

Материалы и методы. Материалы А.А. Бобринского хранятся в разных архивах [20, 21; 22; 23], это порой создает определённые сложности в работе исследователей.

В фонде С.Ф. Платонова - выдающегося отечественного учёного, организатора системы высшего образования, просветителя российской провинции - хранится дело: «Бобринский Алексей Александрович, граф, председатель Археологической комиссии. Письма 17 и телеграмма за 1895-1915 гг. л. 20» [24, д. 2302] корреспонденцией, адресованной ему. Переписка начинается 8 мая 1895 г. и продолжается ровно 20 лет - до 17 мая 1915 г. Хотя корреспонденцию нельзя назвать активной и регулярной, но она является важным свидетельством профессиональных интересов ее участников в области археологии. Немало сведений они содержат и о подготовке докладов и выступлений А.А. Бобринского в Русском отделении. Надо заметить, что дело мало востребовано, выдавалось всего несколько раз (1980, 1993, 1999 и 2000 гг.). Отдельные письма написаны на официальных бланках, с исходящим номером, поэтому могут считаться официальными обращениями.

Кстати, ответы С.Ф. Платонова графу уже опубликованы, они датируются 30 декабря 1899 г., 6 и 12 октября 1911 г., 20 февраля, 1 марта 1913 г., 18 мая 1915 г. [25, с. 66-67, 154, 156-157, 178, 179, 209]. Следовательно, публикуемые письма являются их органической частью, вместе они составляют цельный источник, что будет важным для составления картины их взаимоотношений и деятельности научно-археологических обществ.

Среди методов исследования мы использовали системный, который позволил восстановить весь комплекс взаимной переписки, определить её тематику. Важное значение имел ретроспективный метод, позволивший увидеть в целом уровень развития археологии на рубеже XIX-XX вв. на примере докладов и сообщений, которые представлялись в Русском отделении, проблемах, которые решала ИАК в период руководства ею А.А. Бобринским. Метод хронологии позволил установить время появления корреспонденции и продолжительность сотрудничества А.А. Бобринского и С.Ф. Платонова. Кроме того, названы временные промежутки, когда они возглавляли научно-археологические общества.

Результаты исследования и обсуждение. Письма А.А. Бобринского позволяют подкрепить нашу точку зрения о главенствующей роли С.Ф. Платонова в Русском отделении в период, когда его возглавлял. Примечательно, что его преемником на посту управляющего в этом научно-археологическом обществе стал именно С.Ф. Платонов [26], возглавлявший его с небольшими перерывами (1908-1912) 23 года. И.И. Комарова неверно указывает на 1904 – 1917 гг., когда управляющим был С.Ф. Платонов, при этом называя его председателем и допуская опечатку в фамилии (Платов С.Ф.) [27].

И.Л. Тихонов в ряде своих работ утверждает, что, «пользуясь своими дружескими отношениями с Платоновым, Спицын, по существу, во многом определял тематику докладов на заседаниях отделения, рекомендуя включать в повестку нужные темы и авторов...» [28, с. 174]. Нельзя согласиться и с другим мнением И. Л. Тихонова, не умаляя деятельности и всей значимости А. А. Спицына в работе Русского отделения, когда в нём петербургский профессор видит сотрудника «во многом и направлявшего деятельность Отделения» [29, с. 269]. Публикуемые письма отвергают этот вывод. Надо заметить, что А. А. Спицын никогда не злоупотреблял своими отношениями с С. Ф. Платоновым. Он всегда признавал его руководящую роль в служебных делах. Это были партнёрские и дружеские отношения.

Даже, если и учитывать нравственные стороны и проблему субординации, как видно из писем, А.А. Бобринский адресовал свои просьбы и пожелания напрямую к управляющему, т. е. С.Ф. Платонову, согласовывал все возникающие вопросы относительно своих докладов. Кстати, имя А.А. Спицына упомянуто несколько раз.

Письма А.А. Бобринского свидетельствуют, что сотрудничество С.Ф. Платонова с ним, после избрания последнего управляющим, не только не прекратилось, но и продолжались многие годы. Связи развивались, в основном, в рамках Русского отделения и ИАК.

Заметим, что эпистолярное наследие сегодня активно привлекается исследователями для аргументации тех или иных точек зрения и выводов. Оно является важным историческим источником не только по конкретной эпохе, но, прежде всего, для характеристики коммуникативных связей в научных корпорациях и отдельных видных ее представителей.

Для нас письма видного археолога важны в плане характеристики работы археологического научного общества, руководимого С.Ф. Платоновым, что свидетельствует о признании в нём археологическим сообществом ученого-археолога. В этой связи следует отметить, что археология как самостоятельная отрасль науки на рубеже XIX-XX вв. находилась на стадии институализации.

О.М. Мельникова, давая коллективный социальный и профессиональный портрет деятелей российской археологии второй половины XIX- начало XX в.,

справедливо нашла его «весьма пестрым» и включила в него «профессоров университетов, государственных служащих, земских деятелей, преподавателей в системе духовного и светского образования, инженеров, предпринимателей, купцов, студентов, писателей, врачей, помещиков, священнослужителей, журналистов, рабочих, военных, художников, агрономов, лесничих» [30, с.337].

Кроме того, исследовательница выделила факторы, которые способствовали становлению археологии как самостоятельной области знаний: «создание Археологической комиссии»¹, «развитие профессионального университетского образования»² (археологические институты)³, напомним, что при историческом семинарии, руководимым С.Ф. Платоновым 9 апреля 1912 г., было создано археологическое отделение, а ранее и археологический кабинет, мероприятия с неформальным общением, среди которых выделены Всероссийские [34] и областные [35] археологические съезды. Непосредственное участие во всех перечисленных мероприятиях принимал и С.Ф. Платонов, он же состоял членом многочисленных археологических обществ.

Таким образом, С.Ф. Платонов стоял у истоков оформления археологической науки и поэтому уже в силу этого обстоятельства сам не мог не стать археологом и в современном понимании археологии, как науки о древностях.

Ряд писем А.А. Бобринского позволяют назвать темы докладов и сообщений, с которыми он выступал в Русском отделении. Кроме того, о представленных им докладах и выступлениях свидетельствуют и протоколы заседания Русского отделения. Он делал там сообщения: 16 февраля 1899 г. на тему «Альбом путешествия в Москву шведского посланника Пальмквиста в царствование царя Алексея Михайловича», 25 ноября 1900 г. - «Киевские древности в раскопках г. Зноско Боровского», 29 января 1901 г. - «Исследование большого майдана на границе Киевской и Херсонской губернии» [24, оп.1, ч.1, д. 885, л.12; д. 886, л. 4; д. 887, л. 14]. По всей видимости, это не полный перечень тем, которые А.А. Бобринский представил в Русском отделении.

В свою очередь, А.А. Бобринский не раз обращался к С.Ф. Платонову с просьбами дать отзыв или сделать своего рода экспертное заключение по ряду неоднозначных и спорных историко-археологических, к тому же и неординарных проблем. Например, вопрос об усыпальнице царя Василия Шуйского, захороненного в Польше. К этому вопросу обращались и другие исследователи [36; 37].

Оперативно была выполнена С.Ф. Платоновым и другая просьба А.А. Бобринского о «старой рукописи, касающейся завоевания Сибири», принадлежащей крестьянину Тобольской губернии и выразившему желание поднести её Государю.

Как знатоку летописных памятников С.Ф. Платонову А.А. Бобринский 17 мая 1915 г. писал о «Прологе», который находился в его богатой церковной коллекции. По предположению, он датировался XVI или даже XV веком, написан полууставом в 2 столбца. Интерес представляло упоминание в источнике княгини Ольги, которое не было знакомо владельцу рукописи, поэтому он хотел иметь авторитетное мнение насчет ценности этого памятника. Уже на следующий день

¹ С.Ф. Платонов активно сотрудничал с этим авторитетным археологическим обществом [31].

² С.Ф. Платонов один из первых поддержал идею создания кафедры археологии. «Важную роль сыграл С.Ф. Платонов и в процессе введения археологии в круг дисциплин историко-филологического факультета» [32, с. 353], - констатирует И.Л. Тихонов.

³ С.Ф. Платонов в 1918-1923 гг. был директором Археологического института [33].

был дан ответ, который развеял сомнения: документ был уже известным [25, с.209].

Руководители археологических обществ проводили и совместные мероприятия. Так, 19 января 1903 г. А.А. Бобринский с радостью приветствовал «возврат волны к нашим берегам», это о возможном посещении членами Отделения выставки в Археологической комиссии, которая «необычайно богата сокровищами всякого рода!» Подобные осмотры, вероятно, были регулярными. Так, 10 апреля 1904 г. А.А. Спицын писал С.Ф. Платонову: «Гр. Бобринский просит назначить посещение Обществом выставки в ближайшие дни, особенно в среду» [29, с. 269].

О добрых отношениях, сложившихся между А.А. Бобринским и С. Ф. Платоновым, свидетельствует и приглашение на обед к графу 6 ноября 1901 г.

Следовательно, С.Ф. Платонов, сменивший на посту управляющего Русским отделением Русского Археологического общества А.А. Бобринского, поддерживал с ним многолетние творческие контакты. Эти связи распространились и на Археологическую комиссию, членом которой он состоял. Публикуемые письма являются ценным источником, которые восстанавливают целостность взаимной переписки и позволяют конкретизировать деятельность Русского отделения в бытность его управляющим С.Ф. Платоновым и ИАК эпохи А.А. Бобринского.

Приложение

Письма А.А. Бобринского С.Ф. Платонову №1

29 марта [18]95.

Милостивый государь, Сергей Федорович!

А.А. Спицын передал мне (и указал переслать затем Вам) корректурные листы таблиц статьи Радлова¹ в русском переводе для исправления ссылок на странице текста. Посему, сделав надлежащие пометки, позволяю себе прислать корректуру при сём на Ваше имя.

С неизменным уважением и преданностью, А. Бобринский.
ОР РНБ. Ф. 585. Оп.1. Ч.2. Д. 2302. Л.2.

№2

Открытое письмо.
8 мая 1895 г.

Его высокородию С.Ф. Платонову
Никольевская, 61.

Милостивый государь! Сергей Федорович.

Мое сообщение в Отделении прошу озаглавить: «О скифских древностях, найденных в Венгрии».

С неизменным почтением и преданностью, А. Бобринский.
ОР РНБ. Ф. 585. Оп.1. Ч.2. Д. 2302. Л.1.

¹ Радлов Василий Васильевич (Фридрих Вильгельм) (1837 - 1918) – русский востоковед-тюрколог, родом из Германии. С 1884 – академик. В 1885-1890 – директор Азиатского музея АН, в 1894-1918 гг. – директор Музея антропологии и этнографии АН. Он является основоположником научного изучения языков, фольклора и этнографии тюркских народов Южной Сибири.

№3

29 ноября [18]96.

Его Высокородию Сергею Фёдоровичу Платонову.

Никольевская улица, 61. (Здесь).

Милостивый государь, Сергей Федорович!

Прошу разрешить сделать в Р[усском] Отделении А[рхеологического] О[бщества] сообщение под замысловатым заглавием «Новая теория происхождения свастики, в связи с мотивами кавказских ковров»¹. У меня все вечера свободны, кроме субботы 7-го декабря. О назначенном Вами дне покорнейше прошу сообщить мне немного заблаговременно, т.к. требуются атрибуты для установки 2-х больших ковров! Надеюсь, несмотря на специальный оттенок заглавия, не быть слишком скучным.

С искренним уважением и преданностью, А(лексей Александрович) Бобринский. Галерная, 58².

ОР РНБ. Ф. 585. Оп.1. Ч.2. Д. 2302. Л.3.

№4

1 апр[еля] [18]97.

Милостивый государь, Сергей Фёдорович.

С особым удовольствием готовим показать нашу [выставку] всему Русскому Отделению в назначенный Вами день, 6-го апреля в 1 ½ дня. С искренним уважением и преданностью, А. Бобринский.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп.1. Ч.2. Д. 2302. Л.4.

№5

23-1 1897 г.

Телеграмма. Никольев[ская], 61.

Сергею Фёдоровичу Платонову.

Очень прошу не назначать моего сообщения на пятницу 31-го января. Только что получил повестку в заседание Сибирского Комитета. Кроме 31-го января и 1-го февраля, когда угодно. Бобринский.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп.1. Ч.2. Д. 2302. Л.5.

№6

31 окт[ября] [18]97.

Милостивый государь, Сергей Фёдорович.

Позвольте мне предложить 2 небольших сообщения, которые желал бы сделать в Русском Отделении, а именно: «1) Шлем Ивана Грозного». «2) Три неизданных змеевика».

¹ По поводу этого доклада Р. Багдасаров писал: «10.12.1896 известный этнограф А.А. Бобринский зачитал впервые свой доклад «Новая теория происхождения свастики в связи с мотивами кавказских ковров» на заседании (под председательством С.Ф. Платонова) русского отделения Императорского Археологического общества. Опираясь на теорию, выдвинутую немецким учёным Карлом фон-Штейненом [43], который считал прообразом свастики рудиментарные изображения летящего аиста на древней керамике, граф пытался подтвердить её примерами ковровых узоров Кавказа, где свастики сопровождалась «несомненными, хотя и схематически-прямолинейными изображениями птиц с длинной шеей и длинными ногами» [39; 40, с. 21]; более позднее изложение этой концепции [41]». [42, с. 40].

² Последнее предложение написано на полях, слева.

Второе сообщение неспешное, а первое очень просил бы не откладывать, так как очень желал бы сохранить за собой первенство в сообщении русскому ученому обществу об этом предмете. Н.И. Веселовский¹ обещался на днях переговорить с Вами: он своим рефератом не спешит, а я охотно представлю оба свои сообщения, одно за другим, если Вы не встретите препятствий. Вероятно, найдется еще что-либо в Вашем распоряжении для исполнения заседания. Откладывать до 22-го ноября – немного долго; боюсь, чтобы кто-нибудь не сообщил о шлеме Ивана IV вне Петербурга. Все мои вечера (кроме субботы 15 ноября) свободны; благоволите назначить мои рефераты, когда пожелаете. А. Бобринский.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп.1. Ч.2. Д. 2302. Л.6-7 об.

№7

4 фев[раля] [18]98.

Глубокоуважаемый Сергей Фёдорович.
Премного признателен за Ваши любезные строки².
Искренне преданный Вам А. Бобринский.
ОР РНБ. Ф. 585. Оп.1. Ч.2. Д. 2302. Л.8.

№8

28 фев[раля] [18]98.

Милостивый государь, Сергей Фёдорович.
Привез Вам с Вашего любезного разрешения обе мои статейки: «Несколько неизданных змеевиков» и «Шлем Ивана Грозного». Прилагаю так же и цинкограф[ическое] клише (8 фигур по змеевикам и 4 для «шлема»). Завернуты клише для каждой статьи особо. Я был бы очень признателен, если разрешите заняться, в свое время, и корректурой этих статей, а также и рецензий трудов Антоновича³.
Примите уверение в искреннем уважении и преданности. А. Бобринский.
ОР РНБ. Ф. 585. Оп.1. Ч.2. Д. 2302. Л. 9-9 об.

№9

30 марта [18]98.

Милостивый государь, Сергей Фёдорович.
Переданную мне А.А. Спицыным корректуру с благодарностью возвращаю (по его указанию) Вам.
Искренне преданный Вам А. Бобринский.
ОР РНБ. Ф. 585. Оп.1. Ч.2. Д. 2302. Л.10.

¹ Веселовский Николай Иванович (1848-1918) – русский археолог, востоковед, исследователь истории и археологии Средней Азии. Вёл раскопки в Самарканде, первым исследовал причерноморские и скифские древности, раскопал Келермесские курганы, Майкопский курган и курган Солоха. Член-корреспондент Императорской Санкт-Петербургской Академии Наук (1914).

² Этого письма среди опубликованных нет.

³ Антонович Владимир Бонифатиевич (1834-1908) – историк, археолог, этнограф, специалист по истории днепровского казачества, член-корреспондент Императорской Санкт-Петербургской АН (с 1901 г.), профессор и декан историко-филологического факультета киевского университета.

№10

13 апр[еля] [18]98.

Закрытое письмо.

Его превосходительству¹ Сергею Фёдоровичу Платонову.

Никольевская, 61. Здесь.

Милостивый государь, Сергей Фёдорович.

Если позволите воспользоваться обычными 100 оттисками, буду очень признателен. Позвольте просить также о распоряжении дабы обе брошюры имели отдельную обложку ввиду разнородности предметов.

С искренним уважением и преданностью, А. Бобринский.

P.S. В присланной мне последней корректуре я погрешностей не заметил. Б.²

ОР РНБ. Ф. 585. Он.1. Ч.2. Д. 2302. Л.11.

№11

Печатное.
23 декабря 1899 г.

Его высочайшему С.Ф. Платонову.

Милостивый государь, Сергей Фёдорович.

Позволяю себе обратиться к Вам с покорнейшею просьбою не отказать мне в Вашем авторитетном заключении по прилагаемому делу³. Смею надеяться, что просьба эта Вас не затруднит и приношу заранее глубочайшую мою признательность.

При сем прилагается, в подлиннике, отношение Канцелярии Министерства ИМПЕР[АТОРСКОГО] Двора от 21. 12. Сего года, за №8107.

Примите уверение в совершенном к Вам почтении и преданности.

Граф А. Бобринский.

ОР РНБ. Ф. 585. Он.1. Ч.2. Д. 2302. Л.12

На бланке: Министерства императорского двора.

Императорская Археологическая комиссия. №2301⁴.

№12

4 января 1900 г.

Его Высочайшему С.Ф. Платонову.

Спешу принести Вам глубокую признательность за подробные сведения «об усыпальнице Царя Василия Иоанновича», любезно сообщенные в письме Вашем от 30-го декабря 1899 года.

Примите, милостивый государь, уверение в совершенном к Вам почтении и преданности. Гр. А. Бобринский.

ОР РНБ. Ф. 585. Он.1. Ч.2. Д. 2302. Л.13.

На бланке: Министерства императорского двора.

Императорская Археологическая комиссия. №10.

¹ Титулование ошибочное, правильно его высочайшему.

² Текст последнего предложения написан на полях слева.

³ Речь идёт о рисунке г. Насветевича с рисунком круглой беседки – «усыпальницы московского царя В.И. Шуйского».

⁴ Подробный ответ см. [26, с. 66-67].

№13

17 окт[ября] [1]901.

Открытое письмо.

Его Высокородию Сергею Фёдоровичу Платонову.

Никольевская, 61. Здесь.

День 27-го октября вполне мне удобен.

Премного благодарен. Бобринский.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп.1. Ч.2. Д. 2302. Л.14.

№14

4 [нояб]ря [1]901.

Милостивый государь, Сергей Фёдорович.

Если вечер вторника 6-го нояб[ря] у Вас не занят, не пожелаете ли сделать мне честь отобедать у меня, вместе с И.Я. Гурляндом¹, обещавшим быть! В 7 часов и не во фраке.

С искренним уважением и признательностью. А. Бобринский.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп.1. Ч.2. Д. 2302. Л.15.

№15

Печатное.
29 января 1902.

Карандашная пометка Платонова: «Послано 31/1».

Его Превосходительству С.Ф. Платонову.

Милостивый государь, Сергей Фёдорович.

Крестьянин Тобольской губернии ходатайствует о поднесении его ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ старой рукописи, касающейся завоевания Сибири. Министр же Импер[аторского] Двора просит заключения Императорской Археологической Комиссии о достоинствах этой рукописи.

Со своей стороны, обращаюсь к Вашему Превосходительству с покорнейшей просьбой не отказать Комиссии в разрешении вопроса: имеет ли эта рукопись какой-нибудь интерес? Рукопись при сем прилагается.

Примите, милостивый государь, уверение в совершенном моём уважении и преданности. Гр. А. Бобринский.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп.1. Ч.2. Д. 2302. Л.16.

На бланке: Министерства императорского двора.

Императорская Археологическая комиссия. №189.

№16

19 [января] [1]903.

Милостивый государь, Сергей Фёдорович.

Потерпите еще немного со мной, пожалуйста! Не готов. Вещи нашиваются, но не нашиты; отчёт еще не кончен! А предметов много и боюсь сбиться, если сделаю сообщение, не приведя все в порядок. Как только справлюсь, тотчас же сообщу. А что до посещения выставки Арх[еологической] Ком[иссии] Отделением, то с особой радостью приветствую возврат волны к нашим берегам. Тем более, что выставка этого года будет необычайно богата сокровищами всякого рода!

Как только откроется наша выставка – милости просим.

¹ Гурлянд Илья Яковлевич (1868-1921) – русский государственный деятель, историк, писатель, публицист, поэт, драматург и редактор.

С искренней преданностью Ваш покорный слуга. А. Бобринский.
ОР РНБ. Ф. 585. Оп.1. Ч.2. Д. 2302. Л.17-18.

№17

12 окт[ября] [1]911¹.

Глубокоуважаемый Сергей Фёдорович.

Примите глубочайшую признательность за Ваше обязательное указание на Даровского² и Воробьева³ и еще раз простите за беспокойство⁴. Позволяю себе приложить расписку воеводы Степана Никифоровича Чюварова (кажется так), из Галича, по указу «царевичеву ... Олексия Алексиевича»⁵. Если этот столбец представляет какой – либо интерес, я буду весьма обрадован, если Вы сообразоволяете его принять.

С искренним уважением и признательностью. А. Бобринский⁶.
ОР РНБ. Ф. 585. Оп.1. Ч.2. Д. 2302. Л.19.

№18

Петроград.
17 мая [1]915.

Глубокоуважаемый Сергей Фёдорович.

В числе моих церковных рукописей имеется Пролог, судя по водяным знакам, XVI (а может быть и конца XV-го) века; полуустав в 2 столбца. Здесь под 11-м июля значится княгиня Ольга, в житии коей встречаются подробности для меня новые. Вам все это, вероятно, знакомо, но на всякий случай позволяю себе послать Вам выписку, извиняясь за ее неряшливый вид. В случае, если бы рукопись представляла интерес, она записана у меня под №48.

Примите уверение в искреннем моём уважении и преданности. А. Бобринский.

P.S. Просмотреть литературу предмета не имею возможности, потому очень извиняюсь, если беспокою напрасно⁷.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп.1. Ч.2. Д. 2302. Л.20-20 об.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тихонов И. Л. Предводитель дворянства, сенатор, депутат, министр, археолог граф А. А. Бобринский // Знаменитые универсанты: очерки о питомцах Санкт-Петербургского университета. Т.1 / ред. Н.Я. Олесич. СПб.: Изд-во СПб. Государственного Университета, 2002. С. 72-88.

¹ Предыдущее письмо не обнаружено.

² Даровский (Darowsky Weryha) Адам (1851-1911) – польский историк, публицист.

³ Воробьев Г.А.

⁴ Речь идет про сведения о патриархе Филарете в Мольборге.

⁵ Алексей Алексеевич, царевич (1654-1670) – второй сын царя Алексея Михайловича и царицы Марии Ильиничны Милославской (после умершего в младенчестве Дмитрия), наследник российского царского престола.

⁶ Этот ответ на письмо С.Ф. Платонова от 6 октября 1911 г. [26, с. 154]. Ответ С.Ф. Платонова на это письмо [26, с. 156-157].

⁷ Ответ на это письмо опубликован [26, с. 209].

2. Тихонов И. Л. Последний председатель императорской археологической комиссии граф А. А. Бобринский // Невский археолого-историографический сборник. К 75-летию канд. ист. наук А. А. Формозова. СПб. 2003. С. 95-117.
3. Хартанович М.Ф. Императорская Археологическая комиссия. XIX век // ИИЕТ РАН. Годичная научная конференция 2004 г. М.: Диполь-Т, 2004. С.699-701.
4. Цыганова Л.А. Археологическая Императорская комиссия// Российская историческая энциклопедия// w.histrf.ru/articles/article/...
5. Гайдуков П.Г. «Воспоминания» В. Г. Дружинина как источник по истории Императорской Археологической комиссии// Российская археология. 2010. № 4. С. 136-142.
6. Археология, история и архивное дело России в переписке профессора Д. Я. Самоквасова (1843–1911) / Сост. вступ. статья и коммент. С. П. Щавелева; ред. А. А. Формозов. Курск, 2007. 506 с.
7. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы/ Исследование Гр. Алексея Бобринского, председателя Императорской археологической комиссии...: в 3-х т. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1887-1901. Т.1: Дневники пятилетних раскопок. 1887. 174 с.; Т.2: Дневники раскопок 1887-1889 гг. гр. Алексея Бобринского (и о курганах Звенигородского, Каневского и Роменского уездов). СПб.: Тип. В.С. Балашева. 1894. 232 с.
8. Жебелев С.А. Введение в археологию. История археологического знания. Петроград: Наука и школа, Ч.1. 1923. 199 с.
9. Сорокина И.А. Императорская археологическая комиссия и становление полевых исследований в отечественной археологии// Проблемы истории, филологии, культуры. 2009. №4. С. 13-21.
10. Николаева Н.С. Формирование государственной системы охраны памятников во второй четверти XIX века (сравнительный анализ: Франция и Россия) // Известия Российского гос. пед. ун-та имени А. И. Герцена. Аспирантские тетради. СПб., 2008. № 37 (80). С. 261-270.
11. Тихонов И.Л. Императорская Археологическая комиссия: структура и кадровый состав // Российская археология. 2009. №4. С. 5-17.
12. Императорская Археологическая комиссия (1859-1917). К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия/Ред.-сост. Мусин А.Е., общая ред. Носов Е.Н. СПб.: Дмитрий Булавин. 2009. 1192 с.
13. Сборник археологических статей, поднесенный графу А. А. Бобринскому в день 25-летия председательства его в Археологической комиссии. 1886-1-11-1911. СПб.: Тип. В.Ф. Киршбаума, 1911. 276 с.
14. Кондаков С.Н. Императорская археологическая комиссия// Юбилейный справочник Императорской Академии Художеств. 1764-1914. СПб.: Товарищество Р. Голике и А. Вильборг, 1914. Т. I. 353 с.
15. Смирнов А.С. Граф Алексей Александрович Бобринский и новая власть// Проблемы истории, филологии, культуры. 2015. №2. С. 300-310.
16. Платонова Н. И. Российская академия истории материальной культуры: Этапы становления (1918—1919 гг.) // Советская археология. 1989. № 4. С. 5-16.
17. Бобринской А.А. Граф Алексей Александрович Бобринской (1852–1927). Сын об отце / Публ., предисл. и примеч. И.Л. Тихонова // Культурное наследие Российского государства. Вып. 4. СПб.: Вести, 2003. С. 479-532.

18. Шохин Л.И. «Древнейшая история нашей культуры хранится в языческих могилах центральных губерний»: Письма профессора Д.Я. Самоквасова графу А.А. Бобринскому. 1886-1890 гг.// Исторический архив. 2001. №5. С. 185-196.
19. Застрожнова Е.Г. Письма А.А. Бобринского, К.Е. Думберга и В.В. Шкорпила к В.В. Латышеву (В Санкт-Петербургском филиале архива РАН)// Проблемы истории, филологии, культуры. 2020. №1. С. 164-174.
20. Российский Государственный исторический архив. Ф. 899.
21. Государственный архив древних актов. Ф. 1412.
22. Рукописный архив Института истории материальной культуры. Ф.25.
23. Фотоархив Института истории материальной культуры. Ф.11.
24. Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки. Ф. 585. Оп.1. Ч.1. Оп.1. Ч.1. Д. 885. Л.12; Д. 886. Л. 4; Д. 887. Л. 14; Ч. 2. Д. 2302. Л.1-20.
25. Академик С. Ф. Платонов: Переписка с историками: в 2-х т./Сост. В.Г. Бухерт. М.: Наука, 2003. Т. 1. С. 66-67, 154, 156-157, 178, 179, 209.
26. Митрофанов В.В. О сотрудничестве А.А. Бобринского с С.Ф. Платоновым в рамках научно-археологических обществ// Труды III (XIX) Всероссийского Археологического съезда. В 2-х т. СПб.-М.-Великий Новгород, 2011. Т.2. С. 337-340.
27. Комарова И.И. Справочник научных обществ России// snor.ru/?an=pers_388.
28. Тихонов И. Л. Триада деятельности А. А. Спицына в Петербурге: Археологическая комиссия, Русское Археологическое общество, Университет // История и практика археологических исследований: мат-лы Междунар. науч. конф., посвящ. 150-летию со дня рождения чл.-кор. АН СССР, проф. А. А. Спицына, Санкт-Петербург, 26–30 нояб. 2008 г. / отв. ред.: Е. Н. Носов, И. Л. Тихонов. СПб., 2008. С. 163-184.
29. Тихонов И. Л. Из эпистолярного наследия А. А. Спицына: (письма к С. Ф. Платонову) // Советская археология. 1991. № 2. С. 265-275.
30. Мельникова О.М. Археология в России как профессия: историко-научный взгляд (вторая половина XIX- начало XX в.)// Труды III (XIX) Всероссийского Археологического съезда. В 2-х т. СПб.-М.-Великий Новгород, 2011. Т.2. С. 336-337.
31. Митрофанов В.В. О сотрудничестве А.А. Бобринского с С.Ф. Платоновым в рамках научно-археологических обществ// Труды III (XIX) Всероссийского Археологического съезда. В 2-х т. СПб.-М.-Великий Новгород, 2011. Т.2. С.337-340.
32. Тихонов И.Л. С.Ф. Платонов и А.А. Спицын// Памяти академика Сергея Федоровича Платонова: исследования и материалы/Отв. ред. А.Ю. Дворниченко, С.О. Шмидт. СПб.: Любавич, 2011. С. 347-361.
33. Курникова И. А. Петроградский археологический институт // Советские архивы. 1991. № 2. С. 40–45.
34. Митрофанов В.В. С.Ф. Платонов на Археологических съездах// Российская археология. 2008. №1. С. 123-129.
35. Митрофанов В.В. О роли С.Ф. Платонова в организации областных Археологических съездов// Тюменский исторический сборник. Тюмень: «Вектор Бук», 2007. Вып. X. С. 42-52.
36. В-в Г.Л. Усыпальница Шуйских в Варшаве (1620-1897) // Исторический вестник. 1897. № 12. С. 948-954.
37. Цветаев Д.В. К вопросу об усыпальнице Шуйских в Варшаве // Исторический вестник. 1898. № 2. С. 663.

38. Тихонов И. Л. Из эпистолярного наследия А. А. Спицына: (письма к С. Ф. Платонову) // Советская археология. 1991. № 2. С. 265-275.
39. Новое время. 1896. № 7470.
40. Археологические известия и заметки. 1897. № 1. С.21.
41. Бобринской А.А. О некоторых символических знаках, общих первобытной орнаментике всех народов Европы и Азии // Труды Ярославского областного съезда. М.: Товарищество типографии А.И. Мамонтова, 1902. С. 66-76.
42. Багдасаров Р. Свастика: священный символ. Этно-религиоведческие очерки. М.: Белые Альвы, 2001. 432 с.
43. Sleinen Karl u. d. Praehistorische Zeichen und Omamente // Festschrift fur A. Bastian. B., 1896. 328 p.

REFERENCES

1. Tikhonov I. L. Predvoditel dvoryanstva. senator. deputat. ministr. arkheolog graf A. A. Bobrinskiy [Leader of the nobility, senator, deputy, minister, archaeologist Count A. A. Bobrinsky] Znamenityye universanty: ocherki o pitomtsakh Sankt-Peterburgskogo universiteta. Vol. 1 / red. N.Ya. Olesich. St. Petersburg: Izd-vo SPb. Gosudarstvennogo Universiteta. 2002, pp. 72-88 (In Russ).
2. Tikhonov I. L. Posledniy predsedatel imperatorskoy arkheologicheskoy komissii graf A. A. Bobrinskiy [The last chairman of the imperial archaeological commission, Count A. A. Bobrinsky]. Nevskiy arkheologo-istoriograficheskiy sbornik. K 75-letiyu kand. ist. nauk A. A. Formozova. St. Petersburg. 2003, pp. 95-117 (In Russ).
3. Khartanovich M.F. Imperatorskaya Arkheologicheskaya komissiya. XIX vek [Imperial Archaeological Commission. XIX century]. IlyeT RAN. Godichnaya nauchnaya konferentsiya 2004 g. Moscow: Dipol-T. 2004, pp. 699-701. (In Russ).
4. Tsyganova L.A. Arkheologicheskaya Imperatorskaya komissiya// Rossiyskaya istoricheskaya entsiklopediya [Archaeological Imperial Commission]. w.histrf.ru/articles/article/... (In Russ).
5. Gaydukov P.G. «Vospominaniya» V. G. Druzhinina kak istochnik po istorii Imperatorskoy Arkheologicheskoy komissii ["Memoirs" of V. G. Druzhinin as a Source on the History of the Imperial Archaeological Commission]. Rossiyskaya arkheologiya= Russian archeology. 2010, no 1, pp. 136-142 (In Russ).
6. Arkheologiya. istoriya i arkhivnoye delo Rossii v perepiske professora D. Ya. Samokvasova (1843–1911) [Archeology, History and Archival Affairs of Russia in the correspondence of Professor D. Ya. Samokvasov (1843–1911)]. Sost. vstup. statia i komment. S. P. Shchhaveleva; red. A. A. Formozov. Kursk. 2007. 506 p. (In Russ).
7. Kurgany i sluchaynyye arkheologicheskiye nakhodki bliz mestechka Smely/ Issledovaniye Gr. Alekseya Bobrinskogo. predsedatelya Imperatorskoy arkheologicheskoy komissii...: v 3-kh t. [Mounds and random archaeological finds near the town of Smela / Exploration Gr. Alexey Bobrinsky, Chairman of the Imperial Archaeological Commission] St. Petersburg: Tip. M.M. Stasyulevicha. 1887-1901. Vol.1: Dnevniky pyatiletnikh raskopok [Diaries of a five-year excavation.]. 1887. 174 s.; Vol. 2: Dnevniky raskopok 1887-1889 gg. gr. Alekseya Bobrinskogo (i o kurganakh Zvenigorodskogo. Kanevskogo i Romenskogo uyezdov) [Excavation diaries 1887-1889 column Alexei Bobrinsky (and about the barrows of Zvenigorod, Kanevsky and Romensky districts).]. St. Petersburg: Tip. V.S. Balasheva. 1894. 232 p. (In Russ).

8. Zhebelev S.A. Vvedeniye v arkheologiyu. Istoriya arkheologicheskogo znaniya [Introduction to archeology. History of archaeological knowledge]. Petrograd: Nauka i shkola. Ch.1. 1923. 199 p. (In Russ).
9. Sorokina I.A. Imperatorskaya arkheologicheskaya komissiya i stanovleniye polevykh issledovaniy v otechestvennoy arkheologii [Imperial Archaeological Commission and the establishment of field research in Russian archeology]. Problemy istorii. filologii. Kultury= Problems of history, philology, culture. 2009, pp. 13-21 (In Russ).
10. Nikolayeva N.S. Formirovaniye gosudarstvennoy sistemy okhrany pamyatnikov vo vtoroy chetverti XIX veka (sravnitelnyy analiz: Frantsiya i Rossiya) [Formation of the state system of monument protection in the second quarter of the XIX century (comparative analysis: France and Russia)]. Izvestiya Rossiyskogo gos. ped. un-ta imeni A. I. Gertsena. Aspirantskiye tetrad=News of the Russian state. ped University named after A.I. Herzen. Graduate notebooks. St. Petersburg. 2008, pp. 261-270 (In Russ).
11. Tikhonov I.L. Imperatorskaya Arkheologicheskaya komissiya: struktura i kadrovyy sostav [Imperial Archaeological Commission: structure and personnel]. Rossiyskaya arkheologiya= Russian archeology. 2009, no 4, pp. 5-17. (In Russ).
12. Imperatorskaya Arkheologicheskaya komissiya (1859-1917). K 150-letiyu so dnya osnovaniya. U istokov otechestvennoy arkheologii i okhrany kulturnogo naslediya [Imperial Archaeological Commission (1859-1917). To the 150th anniversary of its founding. At the origins of Russian archeology and the protection of cultural heritage]. Red.-sost. Musin A.E.. obshchaya red. Nosov E.N. St. Petersburg: Dmitriy Bulavin. 2009. 1192 p. (In Russ).
13. Sbornik arkheologicheskikh statey. podnesenny grafu A. A. Bobrinskomu v den 25-letiya predsedatelstva ego v Arkheologicheskoy komissii. 1886-1-II-1911. [A collection of archaeological articles, presented to Count A. A. Bobrinsky on the day of the 25th anniversary of his chairmanship in the Archaeological Commission. 1886-1-II-1911]. St. Petersburg: Tip. V.F. Kirshbauma. 1911. 276 p. (In Russ).
14. Kondakov S.N. Imperatorskaya arkheologicheskaya komissiya [Imperial Archaeological Commission]. Yubileynnyy spravochnik Imperatorskoy Akademii Khudozhestv. 1764-1914 []. St. Petersburg: Tovarishchestvo R. Golike i A. Vilborg. 1914, vol. I, 353 p. (In Russ).
15. Smirnov A.S. Graf Aleksey Aleksandrovich Bobrinskiy i novaya vlast [Count Alexey Alexandrovich Bobrinsky and the new government]. Problemy istorii. filologii. Kultury= Problems of history, philology, culture.. 2015, no 2, pp. 300-310. (In Russ).
16. Platonova N. I. Rossiyskaya akademiya istorii materialnoy kultury: Etapy stanovleniya (1918-1919 gg.) [Russian Academy of the History of Material Culture: Stages of Formation (1918-1919)]. Sovetskaya arkheologiya= Soviet archeology. 1989, pp. 5-16. (In Russ).
17. Bobrinskoy A.A. Graf Aleksey Aleksandrovich Bobrinskoy (1852–1927). Syn ob ottse [Count Alexey Alexandrovich Bobrinskaya (1852–1927). Son about father]. Publ. predisl. i primech. I.L. Tikhonova // Kulturnoye naslediyе Rossiyskogo gosudarstva. Vyp. 4. St. Petersburg: Vesti. 2003, pp. 479-532. (In Russ).
18. Shokhin L.I. «Drevneyshaya istoriya nashey kultury khranitsya v yazycheskikh mogilakh tsentralnykh guberniy»: Pisma professora D.Ya. Samokvasova grafu A.A. Bobrinskomu. 1886-1890 gg. [“The oldest history of our culture is kept in the pagan graves of the central provinces”: Letters from Professor D.Ya. Samokvasova Count A.A. Bobrinsky. 1886-1890]. Istoricheskiy arkhiv= Historical archive. 2001, pp. 185-196. (In Russ).

19. Zastrozhnova E.G. Pisma A.A. Bobrinskogo. K.E. Dumberga i V.V. Shkorpila k V.V. Latyshevu (V Sankt-Peterburgskom filiale arkhiva RAN) [Letters A.A. Bobrinsky, K.E. Dumberg and V.V. Shkorpila to V.V. Latyshev (In the St. Petersburg branch of the archive of the RAS)]. Problemy istorii. filologii. Kultury= Problems of history, philology, culture. 2020, no 1, pp. 164-174. (In Russ).
20. Rossiyskiy Gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv. F. 899. [Russian State Historical Archive. F. 899] (In Russ).
21. Gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov. F. 1412. [State Archive of Ancient Acts. F. 1412] (In Russ).
22. Rukopisnyy arkhiv Instituta istorii materialnoy kultury. F.25. [Manuscript archive of the Institute of the History of Material Culture. F.25] (In Russ).
23. Fotoarkhiv Instituta istorii materialnoy kultury. F.11. [Photo archive of the Institute of the History of Material Culture. F.11.] (In Russ).
24. Otdel rukopisey Rossiyskoy Natsionalnoy biblioteki. F. 585. Op.1. Ch.1. Op.1. Ch.1. D. 885. L.12; D. 886. L. 4; D. 887. L. 14; Ch. 2. D. 2302. L.1-20. [Manuscript Department of the Russian National Library. F. 585. Op. 1. Part 1. Op. 1. Part 1. D. 885. L. 12; D. 886. L. 4; D. 887. L. 14; Part 2. D. 2302. L.1-20] (In Russ).
25. Akademik S. F. Platonov: Perepiska s istorikami: v 2-kh t. [Academician S.F. Platonov: Correspondence with historians: in 2 volumes]. Sost. V.G. Bukhert. Moscow: Nauka. 2003, vol, 1, pp. 66-67. 154. 156-157.178. 179. 209. (In Russ).
26. Mitrofanov V.V. O sotrudnichestve A.A. Bobrinskogo s S.F. Platonovym v ramkakh nauchno-arkheologicheskikh obshchestv [About cooperation A.A. Bobrinsky with S.F. Platonov in the framework of scientific and archaeological societies]. Trudy III (XIX) Vserossiyskogo Arkheologicheskogo syezda. V 2-kh t. St. Petersburg-Moscow.-Velikiy Novgorod. 2011, vol. 2, pp. 337-340. (In Russ).
27. Komarova I.I. Spravochnik nauchnykh obshchestv Rossii [Handbook of Scientific Societies of Russia]. snor.ru/?an=pers_388. (In Russ).
28. Tikhonov I. L. Triada deyatelnosti A. A. Spitsyna v Peterburge: Arkheologicheskaya komissiya. Russkoye Arkheologicheskoye obshchestvo. Universitet [Triad of activities of A. A. Spitsyn in St. Petersburg: Archaeological Commission, Russian Archaeological Society, University] .Istoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy: mat-ly Mezhdunar. nauch. konf.. posvyashch. 150-letiyu so dnya rozhdeniya chl.-kor. AN SSSR. prof. A. A. Spitsyna. Sankt-Peterburg. 26–30 noyab. 2008 g. / otv. red.: E. N. Nosov. I. L. Tikhonov. St. Petersburg. 2008, pp. 163-184. (In Russ).
29. Tikhonov I. L. Iz epistolyarnogo naslediya A. A. Spitsyna: (pisma k S. F. Platonovu) [From the epistolary heritage of A. A. Spitsyn: (letters to S. F. Platonov)]. Sovetskaya arkheologiya= Soviet archeology. 1991, no 2, pp. 265-275. (In Russ).
30. Melnikova O.M. Arkheologiya v Rossii kak professiya: istoriko-nauchnyy vzglyad (vtoraya polovina XIX- nachalo XX v.) [Archeology in Russia as a profession: a historical and scientific view (second half of the 19th and early 20th centuries)]. Trudy III (XIX) Vserossiyskogo Arkheologicheskogo syezda. V 2-kh t. St. Petersburg.-Moscow.-Velikiy Novgorod. 2011, vol. 2, pp. 336-337. (In Russ).
31. Mitrofanov V.V. O sotrudnichestve A.A. Bobrinskogo s S.F. Platonovym v ramkakh nauchno-arkheologicheskikh obshchestv [About cooperation A.A. Bobrinsky with S.F. Platonov in the framework of scientific and archaeological societies]. Trudy III (XIX) Vserossiyskogo Arkheologicheskogo syezda. V 2-kh t. St. Petersburg-Moscow.-Velikiy Novgorod. 2011, vol. 2, pp.337-340. (In Russ).
32. Tikhonov I.L. S.F. Platonov i A.A. Spitsyn [S.F. Platonov and A.A. Spitsyn]. Pamyati akademika Sergeya Fedorovicha Platonova: issledovaniya i materialy. Otv. red.

- A.Yu. Dvornichenko. S.O. Shmidt. St. Petersburg: Lyubavich. 2011. pp. 347-361. (In Russ).
33. Kurnikova I. A. Petrogradskiy arkhologicheskiy institut [Petrograd Archaeological Institute]. Sovetskiye arkhivy=Soviet archives. 1991, no 2, pp. 40–45. (In Russ).
 34. Mitrofanov V.V. S.F. Platonov na Arkheologicheskikh syezkhdakh [S.F. Platonov at the Archaeological Congress]. Rossiyskaya arkhologiya= Russian archeology. 2008, no 1, pp. 123-129. (In Russ).
 35. Mitrofanov V.V. O roli S.F. Platonova v organizatsii oblastnykh Arkheologicheskikh syezdov [On the role of S.F. Platonov in the organization of regional archaeological congresses]. Tyumenskiy istoricheskiy sbornik. Tyumen: «Vektor Buk». 2007, vol. X. pp. 42-52. (In Russ).
 36. V-v GL. Usypalnitsa Shuyskikh v Varshave (1620-1897) [Shuisky Tomb in Warsaw (1620-1897)]. Istoricheskiy vestnik= Historical Bulletin. 1897, pp. 948-954. (In Russ).
 37. Tsvetayev D.V. K voprosu ob usypalnitse Shuyskikh v Varshave [To the Question of the Shuisky Tomb in Warsaw]// Istoricheskiy vestnik= Historical Bulletin. 1898, no 2, p. 663. (In Russ).
 38. Tikhonov I. L. Iz epistol'yarnogo naslediya A. A. Spitsyna: (pisma k S. F. Platonovu) [From the epistolary heritage of A. A. Spitsyn: (letters to S. F. Platonov)]. Sovetskaya arkhologiya= Soviet archeology. 1991, pp. 265-275. (In Russ).
 39. Novoye vremya. 1896. № 7470.
 40. Arkheologicheskiye izvestiya i zametki. 1897, p. 21. (In Russ).
 41. Bobrinskoy A.A. O nekotorykh simvolicheskikh znakakh. obshchikh pervobytnoy ornamentike vsekh narodov Evropy i Azii [About some symbolic signs, common primitive ornamentation of all the peoples of Europe and Asia]. Trudy Yaroslavskogo oblastnogo syezda. Moscow: Tovarishchestvo tipografii A.I. Mamontova. 1902. pp. 66-76. (In Russ).
 42. Bagdasarov R. Svastika: svyashchenny simvol. Etno-religiovedcheskiye ocherki [Swastika: sacred symbol. Ethno-religious studies]. Moscow: Belyye Alvy. 2001. 432 p. (In Russ).
 43. Sleinen Karl u. d. Praehistorische Zeichen und Omamente // Festschrift fur A. Bastian. B., 1896. 328 p.

Информация об авторе: Митрофанов Виктор Владимирович — д-р ист. наук, профессор кафедры «Теории и истории государства и права» АНО ВО «Университет при Межпарламентской Ассамблее ЕврАзЭС». Российская Федерация, 199226, Санкт-Петербург, Санкт-Петербург, Россия
Галерный проезд, 3
ORCID iD: 0000-0003-2094-6883
e-mail: viktor-n1962@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи

Information about the author: Mitrofanov Viktor V. — Doctor in History, Professor, Department of Theory and History of State and Law, ANO VO University at the Inter-Parliamentary Assembly of the EurAsEC. Galerny proezd, 3, Saint Peetersburg, 196226. Saint Peetersburg, Russian Federation
ORCID iD: 0000-0003-2094-6883
e-mail: viktor-n1962@mail.ru

The author has read and approved the final manuscript.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted: 25.08.2020

Одобрена после рецензирования и доработки / Approved after reviewing and revision: 01.10.2020

Принята к публикации / Accepted for publication 27.10.2020

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов./ The author declares no conflicts of interests

ЭЛЕКТРОННЫЙ НАУЧНЫЙ РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ ЖУРНАЛ

Культурный ландшафт регионов

2020. Том 2. № 5 (сентябрь-октябрь)

29.10.2020